

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ

РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЭКОНОМИКА РОССИИ И МИРА
В ЭПОХУ СМЕНЫ
МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА

СБОРНИК ТЕЗИСОВ ДОКЛАДОВ

XV международный Пуштинский симпозиум
по эволюционной экономике

25–27 мая 2023 г.

г. Звенигород, Московская область, Россия

МОСКВА – 2023

ББК 65.013; 65.9(2 Рос)
Э40

Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика.

Сборник тезисов докладов участников XV Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике. – М.: ИЭ РАН. 2023. – 170 с.

ISBN 978-5-9940-0726-6

Э40

В сборнике представлены тезисы докладов, поступивших в Оргкомитет XV Международного Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике «Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика» (г. Звенигород, Московская область, Россия, 25–27 мая 2023 г.). Тезисы представлены в авторской редакции на русском (раздел 1) и английском (раздел 2) языках и упорядочены по авторам в алфавитном порядке.

Работа выполнена в рамках Государственного задания по теме «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики».

Соорганизаторы симпозиума:

Институт экономики РАН
Факультет глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова
Международный научно-исследовательский институт проблем управления

ISBN 978-5-9940-0726-6

ББК 65.013; 65.9(2 Рос)

© Институт экономики РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕЗИСЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.И. Агеев	9
А.А. Акаев	12
Ф.И. Аржаев, В.А. Турко	14
Е.В. Балацкий	17
Л.В. Воронцова, А.Ш. Муллаянов	19
С.Ю. Глазьев, Д.А. Митяев	23
О.Г. Голиченко	26
М.Ю. Головнин	28
А.А. Гринин, Л.Е. Гринин	30
Л.Е. Гринин, А.А. Гринин	32
В.Е. Дементьев	34
Е.А. Капогузов	36
А.С. Качелин	39
С.Г. Кирдина-Чэндлер	42
Г.Б. Клейнер, М.А. Рыбачук	44
О.Ю. Корниенко	48
<u>О.Б. Кошовец</u>	50
Е.Б. Ленчук	53
В.И. Маевский, С.Ю. Малков, А.А. Рубинштейн	55
С.Ю. Малков	57
А.Ш. Маргарян	59
Г.А. Маслов	61
Н.П. Молчанова	64
Т.С. Новикова	66
П.А. Ореховский	69
Ю.Л. Плущевская	73
В.М. Полтерович	75
В.В. Попов	78
В.Я. Портяков	80
Т.О. Проволович	82
Н.В. Смородинская, Д.А. Катукон	84
Д.П. Фролов	86
Р.Р. Шарафуллина	88

ABSTRACTS IN ENGLISH

Alexander Ageev	93
Askar Akaev	96
Fedor Arzhaev, Vladimir Turko	98
Evgeny Balatsky	101
Viktor Dementiev	103
Daniil Frolov	105
Sergey Glaziev, Dmitry Mityaev	107
Oleg Golichenko	110
Mikhail Golovnin	112
Anton Grinin, Leonid Grinin	114
Leonid Grinin, Anton Grinin	116
Alexander Kachelin	118
Evgeny Kapoguzov	121
Svetlana Kirdina-Chandler	124
George Kleiner, Maxim Rybachuk	126
Olga Kornienko	129
<u>Olga Koshovets</u>	132
Elena Lenchuk	135
Vladimir Maevsky, Sergey Malkov, Alexander Rubinshtein ..	137
Sergey Malkov	139
Atom Margaryan	141
Gleb Maslov	143
Natalia Molchanova	146
Tatyana Novikova	148
Petr Orekhovsky	150
Yulia Plushchevskaya	153
Viktor Polterovich	154
Vladimir Popov	157
Vladimir Portyakov	159
Tatiana Provolovich	161
Rozalia Sharafullina	163
Nataliya Smorodinskaya, Daniel Katukov	165
Liliya Vorontsova, Aydar Mullayanov	167

ТЕЗИСЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.И. Агеев

Международный научно-исследовательский
институт проблем управления,
Национальный исследовательский
ядерный университет МИФИ,
МГИМО МИД РФ
г. Москва
Ageev@inesnet.ru

СПЛЕТЕННЫЙ МИР: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СВЕРХВЫЗОВЫ¹

1. Мир-системная парадигма (МСП) является одной из форм системного подхода. Системный подход, доведенный до объекта класса «мир» (Земля, планета, человечество), обречен на невозможность полноценной эмпирической верификации и ее замещение интерпретациями, в том числе с использованием имитационного моделирования. Дав значительные результаты для общественных наук и политики, МСП свелась к ряду базовых утверждений. Во-первых, мир-система считается замкнутой, ограниченной рамками Земли и околоземного космического пространства. Во-вторых, мир-система развивается, накапливает массу, меняются соотношения подсистем, возникают дисбалансы, что проблематизируется концептом «пустого» и «полного» мира. В-третьих, мир-система может быть описана с достаточно высокой точностью. Могут быть (1) выбраны параметры порядка (блоки) и (2) предусмотрены параметры с экспертно калибруемыми коэффициентами, (3) описаны их прямые и обратные связи, (4) составлена система дифференциальных уравнений как «модель мира», (5) сформированы алгоритмы решения этой системы уравнений.

1. Доклад опирается на результаты работы исследовательской группы, отраженные в докладе Римскому клубу 2023 г. См.: Сплетенный мир: кошка перевернулась. Доклад Римскому клубу. Коллектив авторов (А.И. Агеев, В.А. Громов, С.Б. Переслегин и др.). М: МНИИПУ, 2023.

2. Претензии к МСП следует предъявить не столько в фазе интерпретаций и практических приложений, но, прежде всего, на уровне методологии. Проблем, как минимум, три: телеологичности, импакта, хаоса. Все эти уязвимости вскрылись уже в моделях класса «Мир». Многие параметры в них ведут себя катастрофически, провоцируя алармизм оценок.

3. Возможная и, представляется, неизбежная модернизация МСП может быть найдена в рамках развития базового системного подхода. Это касается концепта сосуществования двух- или трех «миров» и цивилизационного направления, за счет перехода к организменному подходу или к концепту социосистемы.

4. Плодотворные возможности сулит и смена парадигмы мир-системного подхода. Вероятно, это будут средовой и сферный подходы, соответственно в формате «мир-среда» и «мир-сфера». Средовой подход расширяет системные свойства до неограниченного количества элементов и связей с неочевидными иерархиями и акцентирует значение волновых процессов, полей, фазовых переходов, недетерминированность поведения. Сферный подход расширяет средовой подход, предполагая конечность размеров среды, несколько типов времени, ритмику и циклизм, оси вращения, смещения, множество онтологий, граничные и трансграничные эффекты, включая сценарное излучение. Целый ряд социальных процессов уместно рассматривать именно в сферном ракурсе. Среди них: неоднородности социальной среды, слоистость информации, блочно-иерархическая организация экономики, управление сложным социумом, «напряжение наблюдателей» извне и изнутри сферы, неутилитарные вектора экспансии и т.д.

5. Современный мир все еще несет на себе следы относительно автономных геополитической, геоэкономической, геокультурной биполярных систем, возникших в результате Второй мировой войны и последующего «мирного сосуществования». Перечень событий, которые и сегодня втягивают

мир в новый мегаконфликт, во многом повторяет предысторию Первой и Второй мировых войн. Повторяемость мировых войн свидетельствует о наличии некоторого устойчивого механизма, с определенной периодичностью ввергающего человечество в состояние военного конфликта. Сбалансировать силы саморазрушения способно либо приведение системы к тотально управляемому состоянию, либо к эффективно самоуправляемому состоянию, либо к их комбинациям. Само по себе это — вызов ноосферного масштаба.

Ключевые слова: мир-система, мир-сфера, миропорядок, устойчивое развитие, геэкономика, системный подход

А.А. Акаев
МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва
aakaev@hse.ru

ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕДЕЛЫ: СЦЕНАРИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА И ИЗМЕНЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ²

В докладе Римскому клубу, подготовленном в 2022 году в МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством академика В.А. Садовниченко, большое внимание уделено анализу проблемы изменения климата и перехода на возобновляемые источники энергии. Рассмотрены особенности современной климатической ситуации, связанной с общим повышением средней глобальной температуры в результате чрезвычайно высокой концентрации углекислого газа (CO_2) в атмосфере, количество которого возрастает и представляет собой угрозу устойчивости глобальной экологической системы в целом. Разработана специализированная математическая модель, предназначенная для моделирования прогнозируемого к середине XXI столетия перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Модель учитывает сложившиеся в настоящее время тенденции в энергопотреблении на основе данных крупнейших энергетических компаний и международных организаций в сфере энергетики, как BP, Equinor, Shell, International Energy Agency (IEA), International Renewable Energy Agency (IRENA), и другие. Предложено три сценария роста средней глобальной температуры приземной атмосферы в XXI веке: консервативный сценарий, амбициозный сценарий и сценарий Net Zero. Консервативный сценарий пред-

2. Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 23-11-00160).

полагает, что государственная политика, технологии и социальные предпочтения продолжают развиваться так же, как и в недавнем прошлом. Амбициозный сценарий предусматривает введение мер, приводящих к существенному снижению выбросов углерода в результате использования энергии, что в свою очередь дает возможность ограничить рост глобальной температуры в XXI веке. Сценарий Net Zero предполагает, что меры, предложенные в амбициозном сценарии, дополняются и подкрепляются существенными изменениями в поведении и предпочтениях общества. Рассматриваются современные энергоэффективные технологии и способы использования возобновляемых источников энергии, внедрение которых предусмотрено в рамках оптимального сценария Net Zero.

Ключевые слова: энергетический переход, математическое моделирование и прогнозирование, сценарии изменения глобальной температуры

JEL: B15, B25, P16, P51

Ф.И. Аржаев

Финансовый университет
при Правительстве РФ
г. Москва
arzhaevfedor@gmail.com

В.А. Турко

НИИ труда Министерства труда
и социальной защиты РБ
г. Минск, Республика Беларусь

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ – НОВЫЙ ЦЕНТР СИЛЫ?

Широко известно, что глобализационные процессы сегодня трансформируются очень быстро и кардинально. Глобализация больше не конец истории по Фукуяме, а переходный этап к более сложной системе международных экономических отношений, который неизбежно сопровождается конфликтогенностью, высокими транзакционными издержками, созданием региональных интеграционных контуров и ядер интеграции.

На сегодняшний день сформированы азиатские глобализационные ядра, которые включают развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, Южной Азии и Восточноазиатского региона. Центрами этих ядер являются Индия и Китай, при этом в силу значительного экономического экспансионизма Китай менее привлекателен, чем Индия. Сформировавшееся в Азии глобализационное ядро отличается несколькими особенностями, которые определяют дальнейшие глобализационные процессы с его участием. Во-первых, это отказ от любой политики, связанной с политическим давлением на развивающиеся экономики – отказ от неокOLONIALИЗМА. Во-вторых, новые центры силы продвигают экспортно-ориентированную модель экономики, однако с акцентом на продукции высокой степени переработки. Из этого вывода сле-

дует еще один — важная роль технологий и международного обмена ими в интеграционных процессах в Азии, в частности, высокое влияние глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости на роль стран в интеграционных объединениях. Не менее важно и то, что страны, вокруг которых происходит интеграция в Азии, смогли на том или ином поле получить значительные преимущества у стран «коллективного Запада», играя по правилам, установленным западными государствами. Без участия этих стран и их институтов в мировой валютно-финансовой архитектуре невозможно ее существование. Также существуют ряд менее важных особенностей, а именно, здоровый протекционизм, отказ от либеральных ценностей, продвижение собственных социокультурных моделей, снижение нетарифных барьеров внешней торговли.

Анализ других регионов, а именно, Латиноамериканского региона демонстрирует отсутствие возможности сегодня сформировать устойчивое ядро глобализации, однако сами процессы регионализации в Латинской Америке достаточно сильны. Англосаксонская модель глобализма сегодня не справляется с новыми вызовами, хотя и остается достаточно привлекательной для развитых стран, стремящихся сохранить статус-кво.

В этой связи логично было бы рассмотреть Евразийскую интеграционную модель на наличие процессов формирования глобализационного ядра. По методологии, аналогичной поиску глобализационных ядер в других регионах, рассмотрев ЕАЭС, можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, ЕАЭС не монолитен — это интеграция двух скоростей и трех векторов. Ключевые страны интеграции — Россия, Белоруссия и Казахстан тесно связаны друг с другом, даже несмотря на наличие центробежных тенденций в казахской экономике. Они и представляют три вектора, среди которых наиболее мощный — российский. Из 12 стран СНГ (11 без РФ) 4 имеют очень плотную экономическую связь с РФ, еще 5 — значимые сходства в экономической модели. Остальные векторы менее значимы, неудивительно, что казахский вектор более значим

для стран Центральной Азии, а белорусский для стран, более склонных проводить политику сближения с западными странами (Азербайджана, Молдовы) и Узбекистана.

В условиях формирования интеграционного ядра в ЕАЭС необходимо воспринимать Союз не столько как интеграционное объединение, сколько в роли фарватера политики России в Евразии. Исходя из этого, необходимо полностью реформировать систему развития организации для: а) достижения большей интегрированности производственных цепочек, б) снижение нетарифных барьеров внутри ЕАЭС даже в чувствительных отраслях, в) развития тесной экономической интеграции на уровне государственных политик, г) отказа от бюрократизации коллегиальности принимаемых решений для делегирования полномочий единому центру принятия решений, д) социального партнерства.

Ключевые слова: Евразийская интеграция, глобализация, глобализационные ядра, центры силы, азиатская валютно-финансовая архитектура

JEL: C44, F02, F55

Е.В. Балацкий
ЦЭМИ РАН, Финансовый университет
при Правительстве РФ
г. Москва
ebalatsky@inbox.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА: МОДЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В политической науке уже в явной форме учитывается эффект сложности социальной системы, который влияет на характер власти. В частности, итальянский политолог Данило Дзоло обосновывает успех авторитарных режимов именно ростом сложности современного социума. Одновременно с этим мы наблюдаем начавшийся процесс геополитической инверсии (ГПИ), под которым понимается изменение центра мирового капитала и его перемещение по планете в иной регион и в другую юрисдикцию. Хотя механизм ГПИ достаточно хорошо изучен, открытым остается вопрос о том, может ли действующий мировой гегемон (в настоящее время это США) перезапустить цикл накопления капитала. Сегодня обострился вопрос о том, чего не хватает действующему государству-лидеру для сохранения своего господства.

Для ответа на поставленный вопрос в докладе предлагается максимально простая динамическая модель, которая наряду с классической трехфакторной производственной функцией, включающей труд, капитал и институты, и уравнением накопления капитала содержит дополнительное уравнение, учитывающее рост сложности социума и вызываемую этим процессом эрозию институционального порядка. Благодаря такому представлению процесса экономического роста оказывается возможным отразить прямые и обратные связи в системе в новом и нетрадиционном разрезе противостояния

скорости и стабильности экономического роста. Так, сам экономический рост порождает рост инвестиций и рост капитала, но одновременно он порождает сложность социума и уменьшение эффективности институтов, которые начинают ограничивать дальнейший экономический рост. Тем самым в явном виде возникает дилемма между двумя режимами роста – быстрым, но неравномерным и медленным, но плавным.

Вычислительные эксперименты с моделью показывают, что нейтрализация роста сложности требует периодически проводимых институциональных реформ, а в определенных случаях никакие реформы не могут восстановить нормальную экономическую динамику, что и дает старт к поиску нового мирового центра капитала и инициирует ГПИ. В перспективе калибровка модели может позволить нащупать разумные сочетания темпов роста и интенсивности реформ в долгосрочном периоде.

Ключевые слова: геополитическая инверсия, геополитическая турбулентность, экономический рост, институты

JEL: B15, B25, P16, P51

**А.В. Воронцова,
А.Ш. Муллаянов**

Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова
г. Казань
mullayanovas@ieml.ru

НА ПУТИ К МНОГОПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЕ: РОССИЯ И ДРУЖЕСТВЕННЫЕ СТРАНЫ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ³

«После исчезновения биполярной системы на планете не стало больше стабильности. Ключевые международные институты не укрепляются, а часто, к сожалению, деградируют», — констатировал Президент России Владимир Путин в выступлении перед членами Федерального Собрания 18 марта 2014 года по случаю воссоединения Крыма с Россией.

На сегодняшний день архитектура международных отношений переживает период глобальной геополитической «перекройки»: меняется общесистемный военно-политический баланс сил; создаются торгово-экономические альянсы и объединения с иным составом участников; происходит разворот потоков мировой торговли к новым центрам экономической силы.

На наш взгляд, одним из таких элементов в общей картине формирующейся многополярности является ряд дружественных для России стран Латинской Америки -- Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Куба, Мексика. В качестве критерия дружественности данной группы стран можно рассматривать их нейтральную позицию по антироссийским резолюциям в Генассамблее ООН, что является показателем общности подходов этих государств и России к ключевым проблемам миро-

3. Исследование выполнено в рамках программы поддержки научных исследований для Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

вой политики и экономики, которые не «ломаются» в условиях глобального диктата «коллективного Запада».

Подход к анализу кластера государств-союзников России в латиноамериканском регионе, реализованный в докладе, отражает представления о синергии контактов политического уровня и развитии внешнеэкономического сотрудничества как важнейшем условии для расширения стратегического партнерства нашей страны с группой суверенных региональных стран.

Результатом проведенного анализа стало выявление специфики геополитического и геоэкономического сотрудничества конкретного государства из рассматриваемой матрицы стран с Россией.

Так, для российско-аргентинского сотрудничества характерен поступательный рост товарооборота. В структуре экспортно-импортных операций увеличивается объем импорта товаров из Аргентины в Россию. Также идут вверх и показатели экспорта отечественных товаров в Аргентину. Однако пока сальдо торгового баланса российско-аргентинской товарной торговли находится в отрицательных значениях, что вытекает из представленного в докладе анализа массива эмпирических данных. Так, показатель экспорта в Аргентину за 2021 г. составил 383,4 млн долл., а объем импорта в Россию за 2021 г. достиг 1009,4 млн долл. [Школяр, 2021]. В российском экспорте в Аргентину преобладают энергоносители, минеральные удобрения, продукция химической промышленности, металлы; в импорте — жмыхи, сливочное масло, сыры и творог, рыба и морепродукты, фрукты (яблоки и груши), мясо КРС, вино. Что касается отношения импортных и экспортных показателей Аргентины к объему собственного ВВП, было установлено, что валовой объем экспортной квоты данной страны — 18%, в то время как совокупное значение импортной квоты составляет порядка 15%. Как видим, для экономики Аргентины показатели по импорту из России пока значительно ниже экспорта, что прямо указывает на возможность расширения российского экспорта в Аргентину. Как

представляется, точкой опоры для внешнеэкономических отношений Москвы и Буэнос-Айреса станет интенсификация политических связей по работе над заявкой Аргентины на присоединение к формату БРИКС.

Что касается отношений России и Бразилии, тезис об их прочном стратегическом характере был аксиомой еще и до вступления 1 января 2023 г. на пост президента Бразилии Лула да Силвы, открытого к справедливым, основанным на международном праве отношениям с нашей страной. В сложившихся условиях очевиден технологичный, инновационный характер российско-бразильского делового сотрудничества. В нашем докладе представлены конкретные примеры названного направления взаимодействия. Бразильская макроэкономика отличается фактически равновесными показателями по экспорту и импорту: общемировой экспорт Бразилии занимает 20,1% от ВВП страны, в то время как импортная квота данного государства составляет 19,1%. В структуре российско-бразильских торговых отношений превалирует все же курс Бразилии на импорт. Данный тезис подтверждает представленный в докладе расчет экспортной и импортной квот применительно к торгово-экономическим отношениям России и Бразилии. Данный тренд, несомненно, свидетельствует о наличии перспективных возможностей для экспортных потоков товарной торговли России в Бразилию.

В фокусе межгосударственных связей России и Венесуэлы -- военно-техническое сотрудничество. Оно дает глубину политическим отношениям Москвы и Каракаса. Однако при этом очевидно наличие проблем собственно торгово-экономических отношений: товарооборот не превышает значения в 150 миллионов долларов. Однако, несмотря на столь незначительный объем внешнеэкономических связей России и Венесуэлы, последняя обладает непреходящей геополитической ценностью для нашей страны, выступает последовательным союзником России по ключевым вопросам глобальной политики.

Дополняющий эффективное политическое измерение гуманитарный фактор -- значимое звено партнерства России и Кубы. В докладе приведены его количественные показатели. Также выявлено, что у России на Кубе имеется определенная база внешнеэкономических связей: на 2021 г. сложилось положительное сальдо торгового баланса в объеме 116 млн долл. Таким образом, имеется потенциал для роста объемов торгово-экономического сотрудничества.

В схожей с Кубой ситуацией в плане слабого использования потенциала торгово-экономических связей находится Мексика. Анализ динамики российско-мексиканских торговых отношений имеет положительный тренд. В ходе изучения статистических данных установлено, что мексиканский экспорт в Россию на 10% меньше объемов импорта из России. Как представляется, драйвером для роста внешнеторгового оборота может стать интенсификация взаимных политических контактов, основанных на взаимном понимании многополярного мира как объективной реальности.

Таким образом, фокусировка анализа центров многополярного мира на примере Латинской Америки позволяет исследовать специфику многополярного мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов, определить основные пути для параллельного развития политического и внешнеэкономического сотрудничества.

Ключевые слова: мировая экономика, макроэкономика, торговля, сотрудничество, многополярность

JEL: F01, F02, F15

С.Ю. Глазьев

Евразийская экономическая комиссия
ief@guu.ru

Д.А. Митяев

Финансовый университет
при Правительстве РФ
г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ НОВОГО МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА

Неоклассическая экономическая теория (мейнстрим) относит валютно-финансовую систему к обслуживающим (сервисным) подсистемам макроэкономических систем. В трактовке валютно-финансовых проблем и современного состояния глобальной архитектуры мейнстрим, основанный на концепциях общего равновесия и финансового хеджирования, занимается откровенной апологетикой, отрицая системный кризис глобального геоэкономического и прежде всего валютно-финансового мироустройства.

Концепция мирохозяйственных укладов (МХУ), опирающаяся на теорию смены технологических укладов (ТУ), разрабатывается в течение более 30 лет, считает валютно-финансовую систему не сервисной, а управляющей подсистемой мирохозяйственного устройства — по крайней мере на протяжении последних 300 лет, на протяжении британского и американского цикла накопления капитала (по Дж. Арриги), соответствующих колониальному и имперскому мирохозяйственным укладам. Именно создание в конце 17-го века Банка Англии и одновременная перечеканка всей монеты под руководством директора Лондонского монетного двора сэра И. Ньютона создала первое двухконтурное денежное обращение (контур инвестиционных банковских денег и контур

наличного оборота с «честной монетой»), что позволило Англии стать центром глобальной финансовой системы, а фунту стерлингов постепенно вытеснить другие резервные валюты. Это стало основой (управляющей системой) колониального МХУ, позволив Англии провести революцию в военном деле и затем в промышленности.

Имперский МХУ возник в двух вариантах: 1) советская система в 1930-е годы возникла на основе инсталляции трехконтурного денежного обращения (инвестиционный контур — наличный оборот — внешняя торговля), что позволило снять финансовые ограничения при проведении индустриализации и накопить валютные средства для импорта технологий и институтов из передовых в то время американской и германской валютно-технологических зон; 2) американская система (и за ней все другие успешные реплики — западногерманская, японская, «азиатских тигров») также освоила многоканальную целевую денежную эмиссию для целей технологического развития. Расцвет имперского МХУ привел к образованию к 1960-м годам «общества благосостояния» по обе стороны «железного занавеса».

Вместе с тем, имперский МХУ и валютно-финансовая система, основанная на многоканальной денежной эмиссии, пришла к пределам своего развития как в СССР (вызвав технологическую многоукладность и разбалансировку денежного оборота, т.н. «экономику дефицита»), так и несколько позже на Западе, который перешел, через период стагфляции 1970—1980-х годов к стадии прямого грабежа как своей периферии (прежде всего поверженного СССР), так и будущего — через экспоненциальный рост долговой нагрузки и образования «финансовых пузырей».

Для стран периферии американоцентричной «мир-системы» (по И.Валлерстайну) имперский финансовый порядок оборачивается режимом «валютного правления», который использовала Россия в течение 30 лет после 1991 г., вхождения на условиях «сырьевой колонии». Это обернулось масштабной депопуляцией (в т.ч. утечкой мозгов) и декапи-

тализацией (вывозом капитала в размере 5–10% ВВП в год) экономики, падением технологического уровня и целостности воспроизводства.

В 2000-е и 2010-е годы Китай и ряд других стран ЮВА стали образовывать «ядро» нового, интегрального МХУ, основанного на переходе к конвергентным технологиям (NBICS) 6-го ТУ. В докладе обосновывается, что интегральному МХУ соответствует своя, альтернативная Бреттон-Вудской (доллароцентричной), глобальная управляющая валютно-финансовая система, основанная на цифровых технологиях обеспечения ускоренного и интегрального социально-экономического развития.

В докладе рассмотрены системные требования к новой мировой валютно-финансовой архитектуре, исходя из логики развития нового МХУ.

Ключевые слова: концепция мирохозяйственных укладов, теория смены технологических укладов, системный кризис имперского МХУ, новая мировая финансовая архитектура интегрального МХУ

JEL: E42, E44, E47, E69, F33, F36, F39

О.Г. Голиченко
ЦЭМИ РАН
г. Москва
golichenko@rambler.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ТИПОВ МЕЗОТРАЕКТОРИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В докладе под мезотраекторией инновационного развития понимается процесс, включающий последовательное прохождение фаз возникновения (рождения), диффузии (принятия и усвоения, или заимствования и адаптации) и удержания нового правила (инновации) в социально-экономической системе. Для каждой из этих фаз вводились индексы, описывающих эволюцию инновационного правила при прохождении фаз траектории. Данные индексы рассчитывались для 19 Европейских стран, а также для России. Для группы рассматриваемых субъектов (стран) вводились индексы двух типов: индексы инновационного результативности субъекта на определенном участке траектории и индекс приоритетности характеристики инновационного процесса. Значения индекса первого типа говорит о реальном достигнутом результате деятельности субъекта в соответствующем процессе. Значения индекса второго типа, по сути, определяют приоритеты в деятельности инновационного субъекта. Оценка траектории с двух указанных позиций позволяет судить, с одной стороны, о расстановке приоритетов при «строительстве» определенной траектории, а с другой стороны, о степени их реализации на практике. В результате анализа построенных матриц индексов удалось выделить несколько типов траектории, которым следовали страны. Среди этих типов: траектории мозаичной эволюции, органического роста, прерывистого равновесия, а также несколько видов гибридных траекторий.

Ключевые слова: мезотраектория, фазы, индексы, матрицы результатов и приоритетов, мозаичная эволюция, органический рост, прерывистое равновесие

JEL: 031, 038

М.Ю. Головнин

Институт экономики РАН

г. Москва

mgecon@mail.ru

МИРОВАЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА: ТЕКУЩИЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ НА ПЕРСПЕКТИВУ

В современных условиях происходят изменения в мировой валютно-финансовой системе, масштаб которых не может быть оценен в полной мере в текущем моменте, но требуется сравнительный анализ важности различных текущих вызовов. К наиболее важным вызовам относятся нарастание долговой нагрузки (главным образом, в части обслуживания глобального долгового бремени), повышение волатильности на основных сегментах мирового финансового рынка, распространение шоков на наиболее уязвимые страны с формирующимися рынками, развитие процессов цифровизации и связанное с ними переформатирование мировой валютно-финансовой системы. Расширение использования санкционных режимов (в первую очередь, финансовых санкций) угрожает фрагментацией мировой финансовой системы, начало которой было положено распространением новой волны протекционизма с 2018 г., а ее действие усилено беспрецедентными санкциями в отношении России 2022 г. Между тем, реализация ряда угроз представляется маловероятной (например, утраты долларом США лидирующих позиций в мировой валютной системе). Назрела необходимость усиления наднационального регулирования в мировой валютно-финансовой системе, в том числе регулирования международных потоков капитала. Однако фрагментация системы делает вероятность установления новых глобальных регулирующих норм крайне низкой.

Ключевые слова: мировая валютно-финансовая система, мировые финансовые рынки, глобальная задолженность, цифровизация финансов

JEL: F31, F34, F38

А.А. Гринин

НИУ «Высшая школа экономики»

г. Москва

algrinin@gmail.com

А.Е. Гринин

НИУ «Высшая школа экономики»

г. Москва

leonid.grinin@gmail.com

КИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕХНОЛОГИИ XXI СТОЛЕТИЯ⁴

В нашем докладе рассматривается текущее и будущее развитие технологий в рамках Кибернетической революции — третьей по величине производственной (или технологической) революции после Аграрной и Промышленной. Кибернетическая революция — это переход от промышленного производства к производству услуг и товаров на основе повсеместного внедрения самоуправляемых систем, то есть систем, которые могут функционировать в отсутствие или с минимальным участием людей, делая сложные решения. Этот переход уже начался и будет продолжаться до 2070-х годов. Кибернетическая революция начала свое активное развитие в 1950-х годах и в настоящее время завершила этап модернизации. На данный момент ключевыми технологиями являются ИКТ и искусственный интеллект (ИИ), роль которых в обществе постепенно возрастает, и они сопряжены как с преимуществами, так и с потенциальными рисками. Однако мы предполагаем, что с 2030-х годов начнется новая — заключительная — фаза кибернетической революции. Ее крупные технологические прорывы приведут к формированию и широкому внедрению самоуправляемых систем. Под самоуправляемыми системами мы понимаем не только машины и другие

4. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

технические устройства, но и более широкий круг систем и управляющих процессов, в том числе биологической, физиологической, техно-биологической, социальной и иной природы, с высоким уровнем саморегуляции, которые являются и будут реализованы в разных областях (включая медицину, генную инженерию, робототехнику, социальные отношения).

Мы также предполагаем, что на первый план выйдут новые технологии. По их прогнозам, это будет совокупность технологических сфер и МАНБРИК-комплекс/конвергенция, которая складывается и будет активно развиваться на заключительном этапе кибернетической революции (в 2030–2070-е гг.). МАНБРИК – это аббревиатура, образованная из начальных букв семи прорывных областей: Медицина-Аддитивные-Нано-Био-Робототехника-Информационные – и Когнитивные технологии. В настоящее время эти технологические области тесно взаимодействуют и дополняют друг друга и будут продолжать делать это все больше и больше в будущем. В силу своих специфических особенностей медицина будет интегральной частью МАНБРИК-комплекса. Мы предлагаем несколько сценариев дальнейшего технологического развития. Они существенно зависят от области, в которой начнутся технологические прорывы. Основной сценарий развития представлен как прорыв, который произойдет в 2030-е годы в области медицины, особенно на стыке ее новых направлений и некоторых направлений МАНБРИК. Произойдет внедрение инноваций на основе самоуправляемых систем в различные сферы общественной деятельности (экономика, медицина, биология, общественно-управленческие структуры). В докладе описывается наиболее благоприятный сценарий технологического развития и даются рекомендации, как двигаться к этому сценарию.

Ключевые слова: технологическое развитие, технологическая революция, саморегулирующиеся системы, МАНБРИК, кибернетическая революция

JEL: O33, O30

Л.Е. Гринин

НИУ «Высшая школа экономики»

г. Москва

leonid.grinin@gmail.com

А.Е. Гринин

НИУ «Высшая школа экономики»

г. Москва

algrinin@gmail.com

ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕДЕЛЫ: БУДУЩЕЕ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО⁵

Авторы делают прогнозы на предстоящие десятилетия до конца XXI века, сосредотачиваясь на двух важных процессах развития. Первый из них – это технологические изменения, связанные с новой технологической волной или, по выражению авторов, завершающей фазой кибернетической революции. Эта технологическая революция приведет к широкому внедрению самоуправляемых систем. Второй – процесс глобального старения, который будет все больше и больше влиять на все сферы и отношения в будущем обществе. В результате двух процессов возникнет общество, которое авторы называют «кибернетическим обществом» (или «кибер-обществом»), поскольку его формирование будет неразрывно связано с завершением кибернетической революции и ее последствиями. Таким образом, это будет пожилое общество с институционализацией возрастных различий, почти полностью опирающееся на умные (кибернетические) технологии и самоуправляемые системы на основе ИИ.

5. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

Это будет общество с принципиально новыми характеристиками и, следовательно, оно будет сильно отличаться от всех предшествующих обществ. С одной стороны, оно будет тесно связано с очень глубокими технологическими изменениями в управлении и регулировании нашей жизни на всех уровнях. С другой стороны, оно окажется неразрывно связано с процессом глобального старения, поскольку старение будет становиться все более неотъемлемой частью жизни общества. По мере его развития и приспособления к нему институтов ни одна сфера общества не останется неизменной, включая технику, экономику, потребление, социальную сферу, идеологию и т.д. Короче говоря, кибернетическое общество – это пожилое общество с институционализацией возрастных различий, опирающееся почти полностью на умные (кибернетические) технологии и самоуправляемые системы. Соответственно, у этого общества будут свои сильные и слабые стороны, успехи и даже триумфы, но оно не будет свободно от некоторых серьезных проблем. Кибернетическое общество должно пройти трудный путь социальных тренировок, конфликтов, оптимизаций, прежде чем многие вещи станут институционализированными. Техносоциальное регулирование имеет важные преимущества, но оно также включает в себя насилие над волей и свободой людей. Поэтому предстоит пройти долгий путь по оптимизации регламентов, чтобы учесть самые разные потребности, желания и проблемы. Даже краткосрочное регулирование с помощью технологий во время пандемии COVID-19 показало, насколько болезненным оно может быть для общества.

Ключевые слова: старение, технологическое развитие, самоуправляемые системы, кибернетическая революция, кибернетическое общество, пожилое общество, эйдджизм

JEL: O33, O30

В.Е. Дементьев
ЦЭМИ РАН
г. Москва
vedementev@rambler.ru

ОБНОВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ ПРОИЗВОДСТВА И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА

Инвестиционный кризис часто фигурирует среди причин замедления роста российской экономики. Имеется большое расхождение мнений относительно возможностей преодоления этого кризиса с помощью денежно-кредитной политики. Выводы об ослаблении эффективности монетарной политики в России обычно обосновываются ссылками на существующие макроэкономические условия. Мезоэкономические обстоятельства остаются за рамками анализа того, почему снижение процентных ставок может не обеспечить необходимого повышения инвестиционной активности в российской экономике.

Во многих странах переход экономики на новый технологический уровень связывают с выращиванием национальных технологических чемпионов. С этим связано особое внимание к компаниям, показывающим высокие темпы роста. Такие компании вносят большой вклад и в создание новых рабочих мест, и в увеличение ВВП страны. Однако российские фирмы-газели, как правило, начинают сильно снижать свои темпы роста, не достигнув больших размеров выпуска или капитализации.

При анализе причин этого замедления часто упускаются из виду факторы мезоэкономического характера. К ним следует отнести длительное присутствие на рынке фирм с низкой эффективностью, а то и убыточных предприятий. Зарубежный опыт показывает, что многие компании-чемпионы действуют на рынках, где большую роль играет эффект мас-

штабов производства. Когда значительную часть рынка занимают убыточные предприятия, потенциальному чемпиону сложно реализовать свои технологические преимущества.

Длительное существование убыточных предприятий означает, что не работает механизм созидательного разрушения. На практике самоочищение рынка от менее эффективных участников может быть весьма медленным. В России неэффективным фирмам дольше оставаться на рынке помогает система государственных закупок, как было показано в исследовании Банка России. Свой вклад в продление жизни таких фирм вносят и банки, предоставляя должнику дополнительные кредиты для выплаты процентов по непогашенным долгам.

Низкая загрузка уже имеющихся мощностей, сохраняющееся присутствие на рынке убыточных предприятий ограничивают возможности активизации инвестиций с помощью общего снижения реальных процентных ставок. Такое снижение способно повысить доступность кредитов для нацеленных на технологические инновации фирм. Однако одновременно оно может продлить существование фирм, сдерживающих развитие инновационных предприятий. Активизации процессов созидательного разрушения отвечает не столько общее снижение процентных ставок, сколько стимулирование частных инвестиций с помощью субсидируемого кредитования проектов, обеспечивающих структурные сдвиги в экономике.

Стандартные курсы макроэкономики однозначным образом изображают связь между процентными ставками и инвестициями. На практике повышению реальной процентной ставки может соответствовать увеличение доли частных инвестиций в ВВП.

Ключевые слова: мезоэкономика, инвестиции, процентные ставки, национальные чемпионы, фирмы-газели, технологическое развитие

JEL: B15, B25, P16, P51

Е.А. Капогузов

МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва;

ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

г. Омск

egenk@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: КЕЙС ГЛУБОКОЙ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ

В условиях санкционного давления на российский нефтегазовый сектор проблема обеспечения технологического суверенитета и вынужденного импортозамещения в сфере глубокой нефтепереработки является одной из наиболее значимых. Долгие годы крупнейшие российские нефтезаводы использовали западные технологии, следуя стратегии «ресурсы в обмен на технологии». Ситуация начала меняться после 2014 года после введения секторальных санкций в том числе к российскому нефтегазовому сектору, и особенно обострилась в 2022 году, когда возникли дальнейшие сложности, связанные с отказом западных компаний от обслуживания установок по глубокой переработке сырья, в частности в сфере каталитического крекинга и других процессов. Между тем руководство страны ставит задачу обеспечения «настоящего технологического суверенитета, создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов» (из выступления В.В. Путина на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме). Причем речь идет не просто о «вынужденном импортозамещении», а об опережающем развитии, о создании уникальных технологий и товаров, обеспечивающих мировое технологическое лидерство и обладающие экспортным потенциалом.

Вместе с тем, применительно к одной из ключевых сфер – нефтепереработке, ситуация с обеспечением технологического суверенитета далека от достижения границы. Если взять за основу ситуацию с каталитическими процессами, то по многим позициям (в частности, по каталитическому крекингу) существует критическая зависимость от импорта. При этом объемы собственного производства катализаторов крупнейшими российскими компаниями, имеющими собственные подразделения в сфере катализа (Роснефть и Газпромнефть) в разы ниже по сравнению не только с мировыми лидерами, такими как Exxon Mobil, Chevron, Royal Dutch Shell, но и с партнерами по БРИКС, в частности Китайских Petrochina, Sinopet, Бразильской Petrobras. Схожая ситуация наблюдается в сфере обеспеченности катализаторами гидрокрекинга вакуумного газойля, гидроочистки дизельного топлива, гидропарафинизации и полимеризация олефинов. И это несмотря на наличие специализированных научно-исследовательских институтов, входящих в структуры РАН (к примеру ФИЦ «Институт катализа им. Г.К. Борескова Сибирского отделения Российской академии наук»), наличия специализированных предприятий в российских ВИНК (в частности ОАО «Газпромнефть – каталитические системы» (Омск), Заводы в Ангарские и Новокуйбышевске (Роснефть) , а также финансовой поддержки исследований по линии РНФ (в частности, на решение данной проблемы было выделены мегагранты).

Помимо технологической, проблема с каталитическими процессами и решением задач обеспечения технологического суверенитета связана и с институциональными факторами. В первую очередь речь идет о проблеме «туннельного зрения» субъектов, участвующих в цепочке фундаментальные исследования – промышленные инновации – коммерциализация. Другая составляющая связана с закрытостью компаний с точки зрения возможности обмена опытом и перспективными технологиями передового уровня между крупнейшими российскими компаниями, которые не используют стратегию

«кооперенции» в угоду корпоративным интересам. Третья составляющая связана со сложностями обеспечения кадрового потенциала для нужд технологических прорывов.

Для преодоления существующих трудностей и обеспечения не только технологического суверенитета, но и возможностей для технологического взаимодействия с «дружественными странами», необходим поиск возможности учета взаимных интересов стран БРИКС с сфере обмена технологий, организации исследовательских консорциумов и трансфера технологий. Как вариант взаимодействия возможен переход от экспорта первичного сырья к продукции второго передела (что реализуется в поставках российскими компаниями игольчатого кокса в Китай) и возможностью обмена сырьем на технологии в торговле с Индией, являющейся одним из бенефициаров, наряду с Турцией, трансформации экспорта российских углеводородов. Технологическое взаимодействие может быть обеспечено через развитие инжиниринговых услуг и диффузии технологий, а также параллельного импорта технологий и обучения через эффект *learning by doing*. Это требует как корректировки государственных и корпоративных стратегий, так и выстраивания более плотного взаимодействия между фундаментальной наукой, производством и маркетингом в данных сферах.

Ключевые слова: глубокая переработка нефти, институциональная среда, технологический суверенитет, экономика санкций

JEL: B 52, L72, O33, Q 55

А.С. Качелин
Институт экономики РАН
г. Москва
kachelin@inecon.ru

БРИКС+ КАК ФУНДАМЕНТ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Актуальность темы XV международного Пушинского симпозиума по эволюционной экономике продиктована ростом геополитических рисков, военного противостояния и неопределенности очередной трансформации мирового порядка в результате образования новой конфигурации международных экономических отношений и транснациональных блоков. Двадцать два года прошло с тех пор, как акроним БРИК был введен в деловой оборот старшим аналитиком Джимом О'Нилом в докладе инвестиционного банка в «The Goldman Sachs Group, Inc.» – «Мечтая вместе с БРИК. Путь к 2050 году».

Одной из важнейших движущих сил такого рода трансформации мирового хозяйства становятся страны глобального Юга, создающие свои институты, региональные интеграционные объединения и системы финансовых расчетов, аналога платежной системы международных межбанковских переводов SWIFT, альтернативной платежной системы BRICS Pay, создание Нового банка развития и собственной резервной валюты. Это фактически превращается в реальную альтернативу Бреттон-Вудским институтам. В числе лидеров этих процессов – крупнейшие развивающиеся рынки, прежде всего страны БРИКС (англ. BRICS – сокращение от названия стран-участниц: Brazil, Russia, India, China, South Africa). Группа стран-участниц БРИКС как международная

организация не формализована, не имеет четко определенной структуры, секретариата, устава и институционально оформленного формата. Взаимодействие стран-участниц осуществляется в форме саммитов глав государств, встреч отраслевых министров и послов по различным вопросам и поручениям. Официальные саммиты проводятся ежегодно в одной из стран-участниц. Соблюдается четкая очередность проведения саммитов: Бразилия – 2019, Россия – 2020, Индия – 2021, Китай – 2022, ЮАР – 2023 год. Председателем объединения является страна-организатор саммита, которая обеспечивает координацию всей текущей деятельности.

Очевидно, что 2022 год стал самым серьезным испытанием для группы стран-участниц БРИКС с точки зрения сплоченности, способности выдерживать внешнее давление и демонстрировать альтернативу гегемонии коллективного Запада во главе с США. На территории Украины сейчас решается, кто будет мировым лидером XXI века или таких лидеров будет несколько.

Не подлежит сомнению, что концепция генерала Шарля де Голля о «Большой Европе» от Лиссабона до Владивостока, о тесных исторических и культурных связях России и Европы несостоятельна. Россия впервые за свою историю противостояния с европейскими странами столкнулась с политически мобилизованным коллективным Западом, где нам сложно найти партнеров и собеседников за исключением Венгрии и Сербии. Страны, традиционно придерживающиеся нейтральных политических взглядов (Финляндия, Швеция, Австрия, Ирландия, Швейцария) своими действиями и заявлениями фактически присоединились к беспрецедентному санкционному режиму против России.

Группа стран-участниц БРИКС считается крупной влиятельной международной структурой, которая способна оказать противодействие коллективному Западу. Сегодня БРИКС: это 26% суши и 43% населения планеты, а также 27% от мирового ВВП. Несмотря на отсутствие определенных процедур, правил и требований к возможным кандидатам на

вступление в группу, в последнее время наблюдаются тенденции к расширению БРИКС, что позволит значительно укрепить позиции группы на мировой арене. Очевидно, что одним из вопросов повестки саммита БРИКС в ЮАР в текущем году будет одобрение о дальнейшем расширении группы и вступлении Ирана, Аргентины, Саудовской Аравии, Турции, Египта, Мексики и других стран развивающихся экономик мира. Особенность БРИКС состоит в том, что каждая страна-участница одновременно является ведущей экономикой на своём континенте или в регионе, в рамках соглашения о региональной интеграции и отсутствие четкого лидера. Расширение БРИКС за счет важных игроков мирового сообщества ставит под угрозу господство коллективного Запада. Подобная группа ключевых стран глобального Юга станет фундаментом нового мирового порядка.

Ключевые слова: мировой порядок, саммит, глобальный Юг, коллективный Запад, санкции, страна-участница, лидер, господство, резервная валюта, платежная система

JEL: F01, F02, F55

С.Г. Кирдина-Чэндлер
Институт экономики РАН
г. Москва
kirdina@inecon.ru

БИПОЛЯРНЫЕ КОАЛИЦИИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В докладе рассматриваются последствия одного из актуальных аспектов сложного и по некоторым оценкам катастрофического состояния современного мира — столкновения противоречивых тенденций глобализации и суверенизации. Нисходящий тренд глобализации (не путать с интернационализацией) наблюдается после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Он усилился под воздействием ковид-пандемии и санкционных рестрикций. Тенденции суверенизации, в том числе под влиянием данных факторов, наоборот, имеют восходящий тренд. В 2020-е гг. противоречивые тенденции глобализации и суверенизации обострили угрозу мирового хаоса. Разрешение противоречивых тенденций и формирование нового мирового порядка возможны на основе одной из моделей (нового) однополярного, многополярного или биполярного мира. В статье сопоставляются перспективы каждой из этих активно обсуждаемых моделей мирового развития. На основе проведенного анализа, опирающегося на теорию институциональных X-Y-матриц и эмпирические данные, обосновывается наибольшая вероятность становления биполярного мира. Биполярные межгосударственные коалиции и станут экономической и политической основой нового мирового порядка. Их состав был спрогнозирован автором ранее (Кирдина, 2014) и подтверждается современной практикой.

Ключевые слова: новый мировой порядок, глобализация, однополярность, суверенизация, многополярность, биполярные коалиции, теория институциональных X-Y-матриц, теоретический синтез

JEL: B25, P51

Г.Б. Клейнер

ЦЭМИ РАН, Финансовый университет
при Правительстве РФ, ГУУ
г. Москва
george.kleiner@inbox.ru

М.А. Рыбачук

ЦЭМИ РАН, Финансовый университет
при Правительстве РФ
г. Москва
m.ribachuk@gmail.com

СИСТЕМНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ МЕЖСТРАНОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Системная парадигма как методологическая основа анализа разнообразных явлений и образований акцентирует внимание исследователя на поиски глубинных свойств и закономерностей, присущих социально-экономическим системам различного масштаба, местоположения и назначения. Выявление таких особенностей позволяет провести фундаментальную типологизацию таких систем, определить предпосылки и основные черты их поведения, развития и взаимодействия. При системном взгляде появляется возможность элиминировать множество ситуационных деталей и конкретных обстоятельств, заслоняющих порой корневые проблемы и релевантные методы их решения. Вместе с тем системный взгляд позволяет экстрагировать и переносить специфические знания, добытые в результате исследования одних классов систем, на другие.

В данной работе эта методология применяется к анализу системных свойств стран как субъектов мировой геополитики с целью выявления фундаментальных предпосылок развития их взаимоотношений в среднесрочном периоде. При

этом, воспользовавшись контекстом и методическим инструментарием системной парадигмы, мы применяем к системам странового уровня понятия и подходы, характерные для систем внутривостранового уровня – социальных слоев, групп индивидумов, экономических и социальных субъектов.

Понятие психологии субъекта как совокупности устойчивых для данного субъекта особенностей восприятия информации, мышления и поведенческих реакций носит, как можно показать, системный характер и потому может быть применено к социальным системам любого уровня. Тем самым появляется возможность говорить о психологии домохозяйства, предприятия, организации страны. Возникает понятие системной психологии конкретной социально-экономической системы.

Системная психология страны зависит от ее истории, географии, культуры, сложившихся институтов и складывается из психологических особенностей систем наноэкономического, микроэкономического, мезоэкономического и макроэкономического уровней, а также традиций межуровневых взаимодействий. Пользуясь классификацией социально-экономических систем на объектные, процессные, проектные и средовые [Клейнер, 2011], а также теорией тетрад, определяющей виды взаимодействий между этими типами систем, мы можем разделить страны на объектные, процессные, проектные и средовые в зависимости от преобладающего типа мировоззрения населения этих стран в отношении места данной страны в геополитическом пространстве-времени. Согласно этому подходу, в частности, Япония относится к числу объектных стран и, соответственно, обладает объектной психологией; Китай – к числу процессных стран с процессной психологией; США – к числу проектных стран с проектной психологией; Россия с ее гигантской территорией – к числу средовых стран со средовой психологией. Это определяет не только мировоззрение соответствующих народов, но и предпосылки формирования устойчивых взаимоотношений между странами: из теории тетрад следует, что взаимоотношения

между объективными и средовыми странами; средовыми и процессными; процессными и проектными; проектными и объективными могут в течение долгого времени сохранять черты сотрудничества и коллаборации. В то же время отношения между средовыми и проектными, а также между объективными и процессными странами носят напряженный характер и не позволяют рассчитывать на глубокое взаимопонимание. Конфликтный характер отношений России и Украины как в исторической ретроспективе, так и сегодня и, по-видимому, в среднесрочной перспективе может найти объяснение в принадлежности этих стран, соответственно, к числу средовых и проектных социально-экономических систем.

В динамическом аспекте анализ предпосылок конкурентных/кооперативных отношений между странами должен учитывать стадию системного цикла, на которой находится в тот или иной период каждая из стран [Клейнер, Рыбачук, 2019]. Хотя каждая страна как целое стабильно принадлежит к одному из четырех типов социально-экономических систем, в ее составе присутствуют в той или иной пропорции подсистемы всех четырех типов. Системный цикл отражает последовательность перехода лидирующих функций во внутреннем социально-экономическом пространстве данной страны от одной подсистемы к другой по цепочке «объектная подсистема — средовая подсистема — процессная подсистема — проектная подсистема — объектная подсистема». Для снижения вероятности возникновения межстранового конфликта целесообразно установление связей между лидирующими в данный момент подсистемами каждой из двух стран. Если соответствующие подсистемы относятся к числу «дружелюбных» пар, то их взаимодействие смягчает межстрановые отношения. Если же эти пары относятся к числу «конфликтующих», то усилия по налаживанию отношений между странами следует заморозить до наступления момента, когда в силу перемещения лидерства между подсистемами в рамках системного цикла каждой из стран возникнет ситуация, когда лидерами станут «дружелюбные» подсистемы.

Таким образом, распространение понятия «психология» на страновые системы вместе с использованием теории системных циклов позволяют, с одной стороны, выявить предпосылки конфронтации/сотрудничества в отношениях между двумя и более странами, с другой —, определить состав и сроки реализации мероприятий, направленных на смягчение противоречий между странами.

Ключевые слова: система, психология, тетрада, системный цикл, взаимоотношения между странами.

JEL: F63, O50, E70

О.Ю. Корниенко
МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва
lin_expr@mail.ru

ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ НИКОЛАЯ КОНДРАТЬЕВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА

В глобальном мире все большее значение приобретают исследования на стыке разных сфер деятельности, при этом, методы смежных проникают в социо-политические и экономические исследования. Рабочей гипотезой данного исследования является то, что языки меняются вслед за переменами в технологии, экономике, геополитике, идеологии и по изменениям в языке можно сделать выводы относительно состояния общества и его встраивания в мировой экономико-технологический прогресс. Более того, каждый из способов словообразования, усложнения или упрощения грамматики, варианты произношения слов являются индикаторами состояния общества.

Принятая сегодня теория больших волн Николая Кондратьева учитывает и объясняет совокупность различных факторов в развитии стран и цивилизаций, объективным отражением чего является язык в своей инвариантной форме, и целесообразно рассмотреть то, как изменения в языке отражают эволюционный процесс.

Поток заимствованной иноязычной лексики характеризует времена правления Петра I, когда вместе с новыми технологиями приходит много слов из области науки и техники: «алгебра, амуниция, оптика, глобус, лак, компас, крейсер, порт, корпус, генерал, дезертир, кавалерия, аренда, тариф», др. Заимствования указывают на отставание нации и первый цикл Больших волн был периодом встраивания России в технологический прогресс.

Девятнадцатый век, который по теории длинных волн Николая Кондратьева был свидетелем второго (1830–1880

годы) и третьего (1880–1930) циклов богатым на события. Ход мирового развития не влияет на Россию напрямую, однако, во всем мы находим отголоски смены энергии воды на энергию пара, а затем, на электрическую энергию угля. Данный период являлся временем появления новых терминов, обозначающих явления и процессы: диалектика, материализм, ультрафиолетовый. Во второй половине XIX века русский язык становится способным к выражению сложных понятий на базе аффиксации и словосложения: «бесправие, самодеятельность, самоуправление, бессодержательность», что означает, что общество уже достаточно активно встроилось в прогресс.

Третья волна Кондратьева (1880–1930) пришлась на одну из горячих фаз в российской истории и интенсивному использованию словотворческих возможностей языка за счет семантического переноса. В начале советского периода динамизм стал особенно активным за счет аббревиации: децисты, колхоз, политизолятор, ГУЛАГ, Минздрав, ВЧК. Четвертая волна (1930–1980 годы) совпадает с фазой активного влияния страны в мире и ее самодостаточностью, развития собственной науки, но в условиях закрытой системы, что отражает русская терминология: аппарат ГБ-8, энергодуговые печи, фотобумага, кинопроекторы, усилители.

Пятая волна, начавшаяся в 1980 году, показала очевидное отставание страны от мировых технологий, и Россия встраивалась в новую систему координат по самому болезненному сценарию: через ломку всего и революционных экономико-политических преобразований. Русский язык отреагировал весьма саркастично, через процесс блендинга: дуракратия (дураки + демократия), пропаганец (пропаганда + поганец), паучеризация (паук + ваучеризация), гейропеец (гей + европеец), досидент (досидеть + десидент), идеепродавец (идея + хриstopродавец) и др.

Ключевые слова: технологический прогресс, длинные волны Кондратьева, бленды, терминология, аббревиатуры

О.Б. Кошовец

Институт экономики РАН
г. Москва

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

С конца 1980-х — в начале 1990-х гг. начался процесс институционализации наднационального, глобального управления на основе развития дискурса «глобальных дел» (общечеловеческих вызовов). Международные организации, постепенно развиваясь в автономную систему глобального управления (global governance), стали аккумулировать все больше управленческих функций и трансформироваться в наднациональные экономические институты. Ключевым в деятельности всех этих институтов являются формирование экспертного знания, направленного на нормализацию (стандартизацию) социально-экономической политики (а по сути систем управления) государств-членов и контроль (наблюдение) за этим процессом, что позволяет формировать единую систему управления.

При этом познавательная деятельность глобального экономического управления изначально конструктивистская по своей интенции, ее не интересует, как есть (адекватная репрезентация реальности) — задача в том, чтобы сконструировать норму и предложить ее в качестве модели для имплементации. Деятельность международных институтов развития и разрабатываемых ими показателей и рекомендаций («глобальная единая стандартизирующая сетка») по определению перформативна, она направлена на преобразование реальности в соответствии с выработанной нормой, так как на этом

зидается и «когнитивный авторитет» институтов «глобального управления», и универсальность производимого им экономического знания.

Важную роль в этом процессе играет образовательная деятельность. особенности развития которой в последние десятилетия также определяются глобализацией, стандартизацией и унификацией экономической профессии при ведущей роли американских и отчасти британских и европейских университетов и профессиональных бизнес школ, которые задают образовательные стандарты, программы и практики [Maesse, 2015]. Более того, они функционируют, по сути, в качестве элитных лицензионных институтов экономической профессии для остальной части мира [Fourcade, 2006, p. 152]. Так, в международных институтах развития и экономических организациях и банках места занимают только те экономисты, которые получили докторскую степень в США и Великобритании [Evans, Finnemore, 2001]. Они же, как правило, значительно чаще и легче получают посты в престижных университетах и правительствах и органах управления развивающихся стран [Valdes, 1995].

Логика профессионального развития в сфере экономики все в большей степени определяется в глобальных терминах. Как показывает М. Фуркад [Fourcade, 2006, pp. 158-159], три ключевых фактора способствовали институционализации экономической профессии в мировом масштабе: формирование в рамках экономической науки особой риторики, которая настаивает на универсальном характере экономических знаний; превращение экономического знания в технологию политической и бюрократической власти, и, наконец, выстраивание разветвленных транснациональных сетей, в которых доминирующее место занимают США (американские корпорации, фонды, НКО и т.п.).

На этом фоне дальнейшая трансформация экономического знания все в большей степени определяется сложными транснациональными механизмами. При этом основным таким механизмом, за счет которого осуществляется глобали-

зация и расширенная экспансия экономической профессии является международной циркуляцией капитала, корпоративного, частного и государственного. Транснациональные корпорации, правительства стран, имеющие обширные инвестиционные программы в других странах или в рамках различных соглашений и партнерств, а также международные финансовые институты, инвестируя средства в экономику той или иной страны, по сути, занимаются нормативным конструированием. Они привносят новые нормы и стандарты, используя свое видение реальности, ценности и концепты, стиль мышления [Finnemore, 1993], и одновременно адаптируют к ним «объект управления», производя его «пересборку» в нужном направлении. В этом контексте понимание того, чем по существу является современная экономическая наука значительно меняется и требует переосмысления и переопределения.

Ключевые слова: глобальное управление, модернизация, образование, когнитивная власть, знание, государственный аппарат, дискурс, международные организации

JEL: B15, B25, P16, P51

Е.Б. Ленчук
Институт экономики РАН
г. Москва
Lenalenchuk@yandex.ru

НОВАЯ ПОВЕСТКА НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Настоящий доклад посвящен анализу современных мировых трендов научно-технологического развития, которые в перспективе будут определять конкурентоспособность и процветание той или иной страны. Новую повестку технологического развития определяет структурная перестройка мировой экономики на базе широкомасштабного перехода к ключевым технологиям четвертой промышленной революции, прежде всего, цифровым. Происходит усиление конкурентной борьбы в сфере разработки и освоения таких технологий, которые в перспективе будут определять технологическое лидерство, доминирование на новых рынках и возможность получения сверхприбылей. Для победы в этой борьбе используется целый арсенал инструментов и методов, начиная от введения отдельных таможенных барьеров, до санкционных ограничений, нарушения установленных международных правил в сфере интеллектуальной собственности и т.п. Общим трендом глобальной конкуренции становится технологическая суверенизация. Наиболее ярко такая конкурентная борьба происходит между США и Китаем - мировыми технологическими лидерами. В процесс сохранения лидирующих позиций в технологической сфере активно включается государство, которое оказывает поддержку развития ключевых технологий четвертой промышленной революции в виде разработки разнообразных стратегий, программ, до-

рожных карт и т.п., а также выделения бюджетных средств на их реализацию.

Для России эти тренды формируют новые вызовы, ответом на которые может стать лишь переход к модели развития, ориентированной на наращивание конкурентных преимуществ страны за счет широкомасштабного освоения передовых технологий, осуществления технологической модернизации и обеспечения «технологического суверенитета». Актуальность такого перехода усиливается в условиях введенных ограничений со стороны Запада на доступ России к высокотехнологичным товарам и технологиям, поскольку именно в высокотехнологичных отраслях страна испытывает высокую импортозависимость. В этой связи в докладе формулируются новые целевые установки и задачи государственной научно-технологической политики и основные инструменты ее реализации, направленные на превращение научно-технологического фактора в стратегический фактор экономического развития страны.

Ключевые слова: структурная модернизация, конкуренция, технологический суверенитет, четвертая промышленная революция, научно-технологический потенциал, прорывные технологии, научно-технологическая политика

JEL: O14, O33, O57

В.И. Маевский

Институт экономики РАН
maev1941@bk.ru

С.Ю. Малков

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт экономики РАН
s@malkov.org

А.А. Рубинштейн

Институт экономики РАН
г. Москва
simplicio1@yandex.ru

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВЫХОДА РОССИИ НА ТРАЕКТОРИЮ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

На примере Китая рассмотрены некоторые макроэкономические параметры нового (азиатского) мирохозяйственного уклада, обеспечивающие опережающие относительно США темпы ВВП, ускорение инновационной активности, нарастающее влияние на структуру мировых финансов. Показано, что в России на ближайшие 2023–2025 гг. никаких изменений в сторону макроэкономических параметров Китая не предвидится.

Одна из причин: неадекватность некоторых моделей российской экономики, используемых денежными властями, задачам экономического роста. Во-первых, в расчетах, проводимых Банком России, используется модель *малой открытой экономики, экспортирующей в основном сырьевые ресурсы*, которая способствует консервации экспортно-сырьевой ориентации экономики. Показано, что современную Россию нельзя называть малой открытой экономикой, не способной воздействовать на конъюнктуру мирового рынка, так как она вовлечена в крупные международные коалиции (ШОС,

ЕАЭС, ОПЕК+) и активно влияет на мировые цены на нефть, газ и другие товары и услуги.

Во-вторых, не разработан раздел макроэкономической теории, позволяющий оценивать волатильность и продолжительность переходных процессов, возникающих при резком ускорении темпа ВВП. В настоящей статье с помощью модели ПРВ проблема такой теории частично решена. Проведены расчеты нестационарных траекторий темпов ВВП и инфляции в случае перехода от нулевых темпов простого воспроизводства к темпам роста, возникающим при эмиссии 10% в год, а также способы минимизации срока переходного процесса и смягчения социальной напряженности. Значимость этого результата не только в том, что он в значительной мере снимает проблему неопределенности переходного процесса, но позволяет управлять им. А это один из аргументов в пользу перехода к ускорению экономического роста в России, к сближению с макроэкономическими параметрами нового мирохозяйственного уклада.

Ключевые слова: мирохозяйственный уклад, инвестиции в основной капитал, модель ПРВ, «первичные» деньги, переходные процессы, стратегическое планирование

JEL: B52, C02, C54, E19, E21, E22, E23

С.Ю. Малков
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Институт экономики РАН
г. Москва
s@malkov.org

ПРЕОДОЛЕВАЯ ПРЕДЕЛЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА⁶

В 2022 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством академиков В.А. Садовниченко и А.А. Акаева подготовлен доклад Римскому клубу с анализом современной исторической ситуации и прогнозом ее дальнейшего развития в XXI веке. Особенностью доклада является широкое использование математических моделей, в том числе для анализа закономерностей социальных и политических трансформаций на протяжении длительных исторических периодов.

С использованием математического моделирования показано, что современный исторический период — это период перехода от «эпохи роста», последовавшей за промышленной революцией начала XIX века, к «эпохе торможения», одним из ярких индикаторов которой является быстрое уменьшение темпов роста населения Земли и его старение. Проведен анализ происходящих перемен в различных сферах жизни. Показано, что мир вступил в период кардинальных изменений, конечный результат которых пока не ясен. Выделены варианты социально-политического развития: так называемый *новый феодализм*, а также «*Мир-организм*». Если первый вариант, по существу, предполагает реинкарнацию системы тоталитарного типа в кибернетическую эпоху, то второй вариант — это общество, где при наличии глубо-

6. Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 23-11-00160).

кой профессиональной специализации населения нет дискриминации, управление осуществляется на основе сетевых технологий (сетевые технологии используются для «синхронизации» коллективной деятельности и осуществления прямой демократии). Второй вариант развития «*Мир-организм*» рассматривается как благоприятный, т.к. предполагает основополагающим принципом в развитии кооперацию, вместо конкуренции. При этом большое значение в эффективном переходе ко второму варианту развития играет идеология, носящая универсальный, общечеловеческий характер, позволяющая преодолеть противостояние друг другу представителей разных народностей, конфессий и цивилизаций. Показано, что переход на второй путь развития потребует значительных усилий.

Ключевые слова: математическое моделирование и прогнозирование, социально-политическое развитие, варианты глобальных трансформаций

JEL: B15, B25, P16, P51

А.Ш. Маргарян
Армянский государственный
экономический университет
г. Ереван, Армения
atom.margaryan@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Новые независимые страны, образовавшиеся после распада СССР, несмотря на многочисленные препятствия, пытались решить сложнейшие проблемы институциональной трансформации и технологической модернизации. Однако, можно утверждать, что реформы либерального перехода от централизованной системы к рыночной экономике почти во всех бывших социалистических странах потерпели крах в корне, а их результаты в первую очередь описываются категориями, предложенными Дугласом Нортон, Виктором Полтеровичем и ряд других теоретиков. Имеется в виду появление институциональных ловушек. В частности, проявлениями такой институциональной ловушки являются коррупция и теневая экономика.

Экономики постсоветских стран по своей природе неустойчивые системы, характеризующиеся разрывом традиционных связей между макро-, микро- и мезоуровнями, для которых характерны скорее не эволюционные, а скачкообразные процессы, с нелинейными траекториями. С точки зрения эволюционно-синергетической методологии в переходной экономической системе создается определенная деформированная структура на основе кооперационного взаимодей-

ствия составляющих ее элементов с учетом влияния предыдущей траектории развития (парадигмы). С другой стороны, наше исследование показывает, что институциональные изменения, осуществляемые в ходе реализации того или иного реформаторского проекта, не всегда приводят к формированию эффективных институтов и модернизации технологий.

Согласно с изложенной выше точке зрения, основной причиной парадокса так называемой «неэффективности рынков» (Д. Норт) является асимметричное влияние заинтересованных лоббистских групп и избирателей, в результате чего институты, обеспечивающие убывающую предельную отдачу, выбираются в качестве актуальных альтернатив. Подобные процессы позволяют лоббистским группам, преследующим особые интересы, получать и присваивать в течение длительного времени институциональную ренту и одновременно на ее основе добиваться сохранения неэффективных институциональных структур.

Более детальное изучение «парадокса неэффективности рынков» позволяет сделать несколько важных выводов.

а) с одной стороны, в определенных исторических обстоятельствах сделки, совершаемые в условиях неэффективных институциональных ограничений, могут удовлетворять парето-оптимальным критериям, а с другой стороны, приводить к «закрытию» рынков, т. е. ограничению конкуренции и возникновению монополий,

б). неэффективные, неконкурентные сделки (рынки) во многих случаях могут сохраняться и воспроизводиться, благодаря несовершенству и недемократичности политических институтов или внеэкономического принуждения.

Ключевые слова: модернизация, институты, реформы, эволюционная теория, синергетика, институциональная ловушка, парадокс неэффективности

JEL: O17, O33, P30, P31

Г.А. Маслов
Институт экономики РАН
г. Москва
glemiach@yandex.ru

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ОБОСТРЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА⁷

Современный мир находится на этапе стремительных трансформаций, затрагивающих практически все сферы общественной жизни. Меняется геополитический ландшафт, происходят структурные изменения в глобальной экономике. Одной из основных движущих сил этих изменений является новый тип технологий, который связывается с NBICS-конвергенцией. По своему характеру он во многом схож с основным содержанием научно-технической революции (автоматизация, химизация), начавшейся распространяться еще в середине прошлого века (многие специалисты говорят о том, что сейчас общество переживает новый этап этой НТР, а не принципиально иной характер изменений в науке и технике). Тем самым в наше время происходит своего рода кульминация научно-технического прогресса, способного кардинально видоизменить глобальную экономику.

В силу большого производственного потенциала нового типа технологий в мире ожесточается борьба за их освоение, за доминирование на новых высокотехнологичных рынках. Обострение межстрановой конкуренции (прежде всего между США и Китаем) наиболее наглядно проявило себя в последние годы, однако новый вектор международной поли-

7. Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Историко-экономические основы дискурсов общественного развития Российской Федерации и их влияние на экономическую политику (вторая половина XX в.)».

тики ведущих стран сформировался уже в начале 2010-х гг. Так, значительно увеличилось число протекционистских мер, распространился термин «деглобализация».

В условиях нынешних трансформаций появляются новые вызовы для экономической теории, формируются предпосылки развития направлений, которые сейчас не находятся на переднем крае науки. В частности, это касается теорий технико-экономического развития. Как было отмечено выше, характер новых технологий в наше время во многом схож с «наполнением» НТР в середине-конце прошлого века. Это актуализирует как западные направления, обращавшиеся к социально-экономическим последствиям технологического развития (шумпетерианские концепции, экономика знаний, теория постиндустриального общества и пр.), так и отечественные. Последние, развиваясь в советское время, несли определенный идеологический отпечаток, выразившийся в недооценке «адаптируемости» капитализма к новым научно-техническим реалиям. Однако в то же время были выявлены важные закономерности. В частности, капитализм эволюционировал в сторону большего влияния государства по тем направлениям, где советскими экономистами отмечались уязвимости рынка. Ряд положений и исследовательских «сюжетов» имеет на первый взгляд неожиданное сходство с разработками в рамках современных теорий, в частности, теории четвертой промышленной революции. Это касается проблем интеграции производства, науки и образования, антропогенного воздействия на природу, укрупнения производственных комплексов с распространением сетевых эффектов, расширения критериев качества жизни, развития творческого труда, рисков роста различных форм неравенства и др. Важно отметить и потенциал метода сравнительного анализа в работах советских экономистов. Если ранее рассматривалось противостояние социалистической и капиталистической систем, то сейчас его можно использовать в контексте обострившейся конкуренции между ведущими державами.

Систематизация положений, сформировавшихся в рамках различных научных школ, выделение актуальных ныне подходов послужит задаче формирования теоретического ответа на вызовы современности. Эпоха трансформаций требует внимательного изучения исторического опыта.

Ключевые слова: научно-техническая революция, NBICS-конвергенция, четвертая промышленная революция, теории технико-экономического развития, деглобализация, протекционизм

JEL: B24, B25, F50, O33

Н.П. Молчанова

МГУ имени М.В. Ломоносова

г. Москва

2520641a@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕДПОСЫЛКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ЕЕ РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Для развития региональных интеграционных процессов необходимо осмысление обеспечивающих их предпосылок: политической, экономической, организационной. Состояние международных отношений и вовлеченность стран в интеграционные объединения (союзы) государств оказывает влияние на сменяемость мирохозяйственных укладов. Формирование интеграционных союзов (ШОС, АСЕАН, ЕАЭС, БРИКС и др.) базируется на определенных принципах взаимодействия входящих государств и каждый из них имеет свои особенные приоритеты функционирования и развития.

БРИКС объединяет пять стран из разных регионов мира, ЕАЭС и ШОС – 5 и 9 стран Евразийского континента соответственно. К вступлению в интеграционные объединения ШОС и БРИКС готовятся около двадцати новых членов. Эти государства играют важную роль в разных регионах мира: Турция, Мексика, Индонезия, Аргентина, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет и еще ряд африканских стран.

Развивающиеся страны характеризуются особенностями национальных укладов, систем управления, структур производства и взаимной торговли, различиями религий, культур и менталитета населения. Вследствие названных и других объективных условий для удаленных от крупных международных рынков государств вступление в региональные интеграционные союзы является оптимальным вариантом эффективного экономического развития.

Для укрепления межгосударственного сотрудничества чрезвычайно важна экономическая предпосылка. Ее харак-

теризует «экономическая связанность», понимаемая как взаимодействие экономик интегрирующихся стран в торгово-экономическом и институциональном аспектах. Данный индикатор отражает самоподдерживаемый рост внутрирегиональной торговли и его рекомендуемый уровень, по экспертным оценкам, должен быть не менее 25%. К примеру, в ЕАЭС этот показатель составляет от 10 до 14 %.

Одной из ключевых задач международного сообщества является противодействие усилению глобальной нестабильности. Для ее решения необходимо системное применение существующих и создание новых организационных и экономических форм скоординированной работы коалиций заинтересованных в сотрудничестве дружественных стран. Эффективная антикризисная политика и комплекс финансово-экономических инструментов для смягчения последствий кризисных ситуаций остро востребованы в настоящее время и относятся к первоочередным задачам руководящих органов государственной власти отдельных стран и интеграционных союзов.

На саммите БРИКС+ в июне 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин представил устроенную по принципу мировой социальной сети новую модель миропорядка, в котором все участники будут равны и взаимопользуются. «Новый мир будет основан на принципах равноправия, справедливости и уважения друг друга, а торговля и финансы будут свободны от барьеров и политически мотивированных ограничений». Для достижения этих целей ведется предметная работа по созданию новых логистических цепочек и «новой инвестиционной зоны», доступной для инвесторов из разных стран мира, но при этом в достаточной степени независимой от западных инвестиций.

Ключевые слова: региональная интеграция, союз государств, экономика и финансы, специализация и кооперация, логистика и инвестиции.

JEL: F02, F42, F63

Т.С. Новикова

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
г. Новосибирск
tsnovikova@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ⁸

Научно-технологическое развитие на микроэкономическом уровне отдельных агентов и их взаимосвязи в рамках инвестиционных проектов требует существенной модификации методов оценки микроэкономических последствий государственной политики при каждой смене мирохозяйственных укладов.

В начале XX века сформировались методики принятия инвестиционных решений в условиях, соответствующих развернувшейся промышленной революции (или третьей длинной К-волны): в СССР методик оценки эффективности капитальных вложений и в зарубежных странах методик анализа издержек и выгод (Cost Benefit Analysis, CBA).

В середине XX века в условиях кибернетической (цифровой) революции на первоначальной научно-информационной фазе (или 4-й К-волны) обострение кризисов привело к распаду колониальной системы и образованию целого ряда независимых государств, значимость международного аспекта проектного анализа резко возросла. Это потребовало разработки методик проектного анализа, сфокусированных на проблемах экономического роста развивающихся стран, а

8. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01499).

позднее и стран с переходной экономикой, и учете активной роли государства в содействии инвестиционному развитию. В результате в рамках международных организаций были созданы методики оценки проектов, основанные на одновременном экономическом и финансовом анализе.

В 90-х гг. XX века начался следующий крупный этап НТР, связанный со становлением экономики знаний и переходом к фазе модернизации кибернетической революции, а в дальнейшем, в начале XXI века, разворачиванием четвертой промышленной революции и соответствующим принятием решений в условиях распространения интернета вещей, больших данных и искусственного интеллекта. Это потребовало существенной модификации зарубежных методик и создания отечественных методик оценки общественной и коммерческой эффективности проектов. Новые методы СВА обеспечивают обоснованность оценки проектов социальной и научно-исследовательской инфраструктуры с точки зрения не только частных участников, но и формирования соответствующей государственной инвестиционной политики, с учетом не только финансовой эффективности, но и различий между экономической (общественной) и финансовой эффективностью, соответственно, общественных эффектов их реализации.

Аналогичные процессы характерны для трансформации методов пространственного агент-ориентированного моделирования на основе принципов оптимизации для обоснования территориальной государственной политики с формальным представлением целей социальной справедливости наряду с целями экономической эффективности, обобщением решений агентов на основе территориальных функций общественного благосостояния и мультирегионального межотраслевого баланса. Новые методы обоснования государственной политики, с одной стороны, сфокусированы на микроуровне принятия оптимальных решений отдельными агентами, с другой стороны, формируют механизмы координации взаимодействия агентов для продвижения в направлении опти-

мальных решений в рамках общества в целом и отдельных территорий.

Ключевые слова: мирохозяйственные уклады, анализ издержек и выгод, общественная эффективность, агент-ориентированное моделирование, государственная политика

JEL: B25, C63, H11, P16

П.А. Ореховский
Институт экономики РАН
г. Москва
orekhovskypa@mail.ru

О «РЕВОЛЮЦИЯХ»
И «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЭВОЛЮЦИЯХ»:
ДИСКУРСЫ ПРОЖЕКТОРОВ⁹

Ещё в 1960-х гг. концепт революции был крайне распространён. Революции происходили в технике и науке, в сферах культуры, промышленности, транспорта и строительства. Зарядо революциями называли и смену власти в государствах Африки, Азии, Латинской Америки. Применение этого концепта знаменовало позитивную оценку авторами текстов происходящих событий; негативная оценка связывалась с контрреволюцией.

В 1990-х гг. концепт революций в России применяется всё реже. Знаковой работой, по-видимому, является книжка Е.Т. Гайдара «Государство и эволюция», явным образом апеллирующая к известной работе В.И. Ленина. Любопытно, что даже события 1991–1993 гг. в России характеризуются Гайдаром как «смена институтов», причём вполне закономерная, «эволюционная». Хотя, казалось бы, указанные события как нельзя лучше вписываются в старые представления о революции — слом старого государства, перехват контроля над силовыми структурами, смена «собственности на средства производства», финансовый кризис и т.д.

Нельзя сказать, что концепт революций исчез, напротив. Он достаточно часто используется для характеристики событий, происходящих в соседних странах: «цветные» революции: «оранжевая», «революция гвоздик», «революция тюльпанов».

9. Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Историко-экономические основы дискурсов общественного развития Российской Федерации и их влияние на экономическую политику (вторая половина XX в.)».

Однако в целом этот концепт перешёл в сферу политологии. Экономисты же предпочитают заниматься «эволюцией институтов» и, немного реже, «институциональным дизайном».

Наиболее часто цитируемой работой, на мой взгляд, в России является книга В.М. Полтеровича «Элементы теории реформ», по своему значению и популярности она намного опережает известные работы Д. Норта. Важнейшими теоретическими новациями, принадлежащими Полтеровичу, кроме «институциональных ловушек», являются, во-первых, сам подход, в рамках которого акторы соизмеряют выгоды, которые они получают в рамках новых институтов, с издержками перехода к этим институтам; во-вторых, концепция «промежуточных институтов». Собственно, здесь и появляется искусство «институционального дизайна» — это поиск такой траектории институциональной эволюции, при которой издержки перехода становятся минимальны.

В отличие от революционеров, которые в той или иной степени являются иррациональными субъектами, действия которых следует описывать не столько в категориях риска, сколько — неопределённости, рациональные экономические акторы выглядят намного более привлекательно. Таким образом, разработка реформ является весьма уважаемым занятием, поощряемым научным сообществом, в то время как подготовка революций находится за пределами научного дискурса.

Прожектёрство — один из видов предпринимательства, описанный в своё время В. Зомбартом. Специфика этого вида новых «хозяйственных комбинаций» заключается, с одной стороны, в том, что деньги на осуществления проекта выделяют не банки, а государственные чиновники; с другой — критерием успешности здесь выступает не «экономическая прибыль» (превышающая процент), а другие критерии (среди необходимых — повышение доходов и статуса участников проекта). Прожектёрство было весьма распространено уже в СССР, однако в условиях жёсткого идеологического контроля и специфических фильтров, определявших доступ

к должностным лицам, принимавшим решения, число экономистов — прожектёров вряд ли превышало пару — тройку десятков. Однако к концу 1980-х гг. экономическое прожектёрство становится респектабельным, а в 1990-х гг. и позднее проекты тех или иных реформ становятся едва ли не обязательным элементом экономического дискурса. Последнее требует специального изучения, обобщающие работы, где была бы представлена подробная классификация российских прожектёров, предлагающих те или иные виды институционального дизайна, мне неизвестна. Попытка грубой классификации позволяет выделить следующие жанры:

1) «советы Господу Богу». В основном в этом жанре работают технологические утописты, которые требуют перехода к новому технологическому укладу, четвёртой промышленной революции, зелёной энергетике. Выделение государственных средств для внедрения тех или иных технологий должно решить проблему экономического роста, а последнее решает все остальные проблемы. Кроме того, к этому же классу относятся сторонники административных инноваций, предлагающие создание новых государственных органов для решения всех проблем (как пример — Агентство стратегических инициатив);

2) политико-экономические лоббизм. Этот дискурс вполне описан теорией общественного выбора. Хотя официально в России «лоббизма нет»;

3) популяризаторы «лучших практик» и «мирового опыта». Это — особый жанр, куда включаются разнообразные проекты борьбы с коррупцией, защиты прав собственности, свободы слова, совершенствования судебной системы. Наиболее радикальные из них часто оказываются в России в положении «иностранных агентов».

Беглый взгляд на эту классификацию показывает трудности развития в России «институционально — эволюционной теории». Несмотря на «отмену революций» и создание В.М. Полтеровичем своеобразной «азбуки для реформаторов», спектр отечественных «институциональных дизайнеров» в

основном размещается между конструкторами очередных «институциональных ловушек» (лоббизм) и «кружками мечтателей и народовольцев».

Ключевые слова: революция, эволюция, дискурсы, институциональный дизайн, прожектёрство, реформы

JEL: B15, B25, Z18

Ю.А. Плущевская
Институт экономики РАН
г. Москва
ypflu@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ЦИКЛОВ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В соответствии с парадигмой эволюционной экономической теории, развитие экономики и природы подчиняется универсальным законам. Естественно-научный аппарат является адекватным инструментом изучения экономических систем. В частности, эволюция капиталистической экономики представима в виде системы циклов различной продолжительности. Показано, что в среднесрочном цикле колебания переменных вокруг долгосрочного тренда описываются моделью класса «хищник-жертва» [Плущевская, 2022]. В докладе предложено моделировать «вековую» волну накопления капитала при помощи логистической кривой в формулировке С.П. Капицы. Однако в условиях глобального империализма стоимостные показатели, в т.ч. относящиеся к капиталу, не вполне корректно отражаются статистикой. Более достоверными являются данные о номинальных доходностях. Поэтому объектом моделирования выступает номинальная процентная ставка, обобщенный показатель возрастания капитала. Ее долгосрочная траектория, имеющая колоколообразную форму, описывается производной указанного логистического уравнения. Динамика процентной ставки носит эндогенный характер в экономике – центре мирового хозяйства. В докладе представлены оценки, проведенные на данных по экономике США в последнем столетии. Изложены дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: деловые циклы, циклы накопления капитала, логистическая кривая, модели экономических циклов, процентная ставка

JEL: E32, E37, E40, E47

В.М. Полтерович
ЦЭМИ РАН,
Московская школа экономики МГУ
г. Москва
polterov@mail.ru

ЗАКАТ ОБЩЕСТВА КОНКУРЕНЦИИ И СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Гражданская культура западных обществ быстро и радикально меняется. Все большую роль играет философия постмодернизма [Плакроуз, Линдси, 2022], по рекомендациям которой трансформируются социальные механизмы. Под давлением сторонников постмодернизма в США и в ряде других стран Запада в программы обучения в школах и университетах включаются курсы по «разнообразию» (diversity), а при найме на работу учителей, профессоров и государственных чиновников предпочтение отдается «меньшинствам» — женщинам, черным, гомосексуалистам, трансгендерам — даже в случаях их более низкой квалификации по сравнению с другими кандидатами. Аналогичная тенденция начинает проявляться и в крупных компаниях. В перспективе это неизбежно ведет к деградации.

Тот факт, что западная цивилизация находится в глубоком кризисе, признается многими исследователями. В апреле 2023 г. в журнале *The Wall Street Journal* появилась заметка его главного редактора Герарда Бэйкера, где говорится: «Мы находимся в тисках идеологии, которая отрицает наш гений, порицает наш успех, презирает заслуги». Примечательно название заметки: «Если западная цивилизация погибнет, считайте это самоубийством».

В настоящем докладе отмечается, что возможное объяснение кризиса западной цивилизации состоит в исчерпании

потенциала механизмов конкуренции. В течение последних трех веков конкуренция в экономической и политической сферах обусловила невиданные ранее темпы экономического и социального развития. Однако по мере роста благосостояния, уровня гражданской культуры и технического прогресса все явственней обнаруживаются органические пороки конкуренции: высокие материальные издержки вследствие банкротств и дублирования усилий; неприязнь к представителям конкурирующих групп, обуславливающая нездоровый социальный климат; непреодолимая тенденция к увеличению неравенства, порождающая протестные движения. Неразрешимая в условиях политической конкуренции «проблема грязных рук», способствует формированию механизма отрицательного отбора политических лидеров, а неэффективность государственного управления вызывает недоверие к политическим лидерам и институтам власти [Полтерович, 2021]. В этих условиях относительно успешными оказываются страны, обладающие коллаборативными преимуществами — более развитыми механизмами сотрудничества в экономической и политической сферах [Полтерович, 2022].

Для «догоняющих» стран кризис передового Запада по-новому ставит вопрос о стратегии развития. До сих пор страны экономического чуда на завершающей стадии сверхбыстрого роста стремились построить институты конкурентной экономики и конкурентной демократии. Сегодня эта стратегия оказывается под вопросом.

Для России, охваченной войной санкций, вопрос о выборе стратегии развития особенно актуален. Обычно рассматриваются два ее варианта: мобилизационная стратегия, предусматривающая ужесточение власти, использование для борьбы с угрозами мер, не основанных на правилах, и либерализационная стратегия. В настоящем докладе сделана попытка показать, что наиболее предпочтительной является стратегия позитивного (не направленного против третьих лиц) сотрудничества, предусматривающая в качестве первого шага формирование институтов догоняющего развития: кор-

поративистскую систему управления, индикативное планирования, генеральное агентство развития [Полтерович, 2016]. К ним можно отнести также разные типы консорциумов, частно-государственное партнерство, проектное финансирование. Особое внимание следует уделить сокращению неравенства. По мере успешного развития роль государства должна снижаться, а роль рыночных взаимодействий временно возрастать. При этом усилия должны быть направлены на то, чтобы Россия оказалась в классе скоординированных рыночных экономик с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности (позволяющем говорить о капитализме стейкхолдеров), а по характеру политической системы могла быть отнесена к консенсусным демократиям [Hall, Gingerich, 2009; Strand, Freeman, 2015; Amor-Esteban et al., 2019; Lijphart, 2012]. В результате роста благосостояния, уровня технологий и гражданской культуры такая стратегия обеспечит России коллаборативное преимущество, а значит, вхождение в группу наиболее успешных стран.

Следование стратегии позитивного сотрудничества способствовало бы формированию современной идеологии сотрудничества, имеющей, как показано в докладе, глубокие корни в российской философской и политической культуре.

Ключевые слова: позитивное сотрудничество, конкуренция, постмодернизм, просоциальный индивидуализм, догоняющее развитие, коллаборативное преимущество

JEL: B52, D02, D64, O20, P21

В.В. Попов
ЦЭМИ РАН
г. Москва
vpopov@nes.ru

ПОЧЕМУ ЕВРОПА ТАК ПОХОЖА НА КИТАЙ: «БОЛЬШОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» И НИЗКОЕ НЕРАВЕНСТВО

В соответствии с одной из точек зрения [Роров, 2020], восточноазиатская экономическая модель обладает преимуществами в сравнении с другими моделями стан «глобального Юга» в том, что касается догоняющего развития и, возможно, даже и в области развития за пределами технологической границы. В отличие от экономических моделей стран Латинской Америки и Африки южнее Сахары, восточноазиатская модель основана на приоритете общественных интересов (трудового коллектива, сообщества, государства, всего мира) над интересами индивидуумов, что подразумевает возможность ограничения прав личности во имя благополучия всех.

Низкое неравенство в распределении доходов и богатства, сильный институциональный потенциал государства (измеряемый, в частности, способностью ограничивать преступность и теневую экономику) — ключевые характеристики восточноазиатской экономической модели. Это модель сложилась в результате расхождения траекторий развития стран, называемых сегодня глобальным Югом, начиная с 16 века: часть стран встала на путь копирования западной модели (добровольно или принудительно, в результате колониальной экспансии Запада), другая попыталась сохранить традиционные, коллективистские институты [Роров, 2009; 2014].

Обосновывается, что европейская и восточноазиатская экономические модели в значительной степени схожи. После поправок на размер страны (ВВП по ППС) и уровень разви-

тия (подушевой доход) оказывается, что доля государственного потребления в ВВП относительно высока и в Европе, и в Восточной Азии, тогда как неравенство в распределении доходов и богатства находится на относительно низком уровне [Роров, 2021; 2022].

Ключевые слова: Разновидности капитализма, экономические модели, неравенство, размеры государства, институциональный потенциал государства, темпы роста, догоняющее развитие

JEL: H1, D63, O47, P10, P51

В.Я. Портяков
Институт Китая
и современной Азии РАН
г. Москва
p481nov@mail.ru

СТАНЕТ ЛИ ИНДИЯ ОДНИМ ИЗ ПОЛЮСОВ ТРЕХПОЛЮСНОГО МИРА?

В последнее время в России и за рубежом идет активная дискуссия о наиболее вероятных изменениях в глобальном мироустройстве. Высказываются соображения в пользу ослабления доминирования США и их союзников и о высокой вероятности укрепления тенденции к многополярности. Однако представления о конкретном наполнении грядущей многополярности носят весьма разнообразный характер. Недавно было высказано предположение, что грядущий мир, скорее всего, будет де-факто трехполюсным, а на роль третьего полюса -- вслед за США и Китаем -- вполне может претендовать Индия.

По мнению известного сингапурского дипломата и политолога Кишора Махбубани, обнародованному 14 января 2023 г. в газете «India Today», ныне Индия находится в наилучшем геополитическом положении за все 75 лет ее независимого существования и вполне может позиционировать себя в качестве единственной по-настоящему независимой глобальной силы. Именно в такой силе нуждается сегодня международное сообщество, и именно такой выбор должна предпочесть Индия, а не становиться союзником США, хотя внешне это и выглядит более легким выбором. Все больше стран поддерживают право Индии стать еще одним постоянным членом Совета Безопасности ООН. Растущую значимость страны в системе международных отношений подчеркивают проведение Индией в январе с.г. онлайн саммита «Голос глобального Юга», ее председательство в 2023 г. в «Большой

двадцатке». Индия в последние годы является одним из мировых лидеров по темпам экономического роста и занимает 5-е место по ВВП. Страна существенно нарастила свою внешнюю торговлю товарами, где ранее ее позиции были слабы. В 2021 г. экспорт Индии составил 395 млрд долл. (1,8% мирового экспорта), а импорт – 573 млрд долл. (2,5% мирового импорта). В США планируют сделать Индию «мастерской мира» вместо Китая, для чего достигли договоренности о сотрудничестве двух стран в сфере производства высокотехнологичной продукции. «Мягкая сила» Индии подпитывается весомыми цивилизационными заслугами страны и наличием внушительной зарубежной диаспоры.

Разумеется, продвижение Индии к высшему эшелону мировой таблицы о рангах не будет гладким. Сегодня представления Индии и индийцев о потенциале и возможностях страны явно превышают реалии. Пожалуй, главным тормозом выступает низкий уровень развития всех видов социальной инфраструктуры, особенно заметный на фоне многонаселенности страны.

Что касается вероятного выхода на трехполюсный миропорядок с США, КНР и Индией в качестве полюсов, то этот треугольник вряд ли будет равносторонним. Сегодня Индия смотрится существенно ближе к США, нежели к Китаю. Этот крен усилится, если основным соперником Индии в борьбе за место призера будущего многополярного мира станет Россия. А это, похоже, будет именно так.

Ключевые слова: Индия, многополярный мир, претензии на роль «третьего полюса»

JEL: F50, N15, P52, O53

Т.О. Проволович
МГУ им. М. В. Ломоносова
г. Москва
tatiana.provolovich@gmail.com

ОСНОВАНИЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ В ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Дискуссии и споры о «природе» экономического агента приобрели особую актуальность в экономической науке за последние 30 лет. Эти споры обусловлены появлением междисциплинарных исследований, которые опираясь на данные из смежных дисциплин (в первую очередь естественнонаучных), предлагают «новые» нерациональные подходы объяснения поведения экономических агентов. Поэтому в экономической науке обнаруживается поляризация, а порой и явная конфронтация сторонников и критиков классического принципа рациональности. Экономическая наука на протяжении длительного времени опиралась на принцип рациональности экономического агента, который основывается на трех важных положениях:

- 1) Агенты осознают свои предпочтения и всегда стремятся к наибольшему удовлетворению;
- 2) При осуществлении выбора агенты избегают ошибок (издержек);
- 3) А в неопределенных ситуациях агенты могут просчитать все риски и выбирать новые более оптимальные пути максимизации полезности.

В результате классические формализованные модели экономического поведения используют идеализированного и универсального индивида, предлагая монодисциплинарное объяснение способов его поведения. Такой экономический агент (индивид) несмотря на то, что всегда находится в состоянии полной рациональности не имеет каких-либо субъ-

ективных (ментальных, психических) качеств и находится в социально-культурной изоляции.

Предложенные поведенческой и новой поведенческой экономикой аргументы в защиту ограниченной рациональности и даже иррациональности агента все более и более увеличивают количество факторов, влияющих и определяющих поведение экономического агента. Одно из преимуществ новых подходов заключается в их видении подлинной (реальной), а не формализованной онтологической сущности индивида. Экономический агент становится субъектом деятельности, приобретающим психофизиологические качества. Но по мере расширения синтеза психологии и экономики в поведенческой экономике встает вопрос об отборе и классификации факторов, воздействующих на выбор экономического агента. Вскрытие множества иррациональных (бессознательных) стимулов, не предложило рабочего механизма нового (альтернативного формализованному) способа моделирования поведения для прогнозирования социально-экономической политики.

Таким новым способом мог бы стать синтез представлений об агенте из поведенческой экономики (которая сама является междисциплинарным синтезом) и ментально-институциональных исследований, а также привлечение данных о способе закрепления способов социально-экономического взаимодействия не только на ментальном, но и нейрофизиологическом уровне. Для осуществления данного синтеза необходимо провести анализ оснований (теоретико-онтологических) выделить уровни исследования (макро-, мезо-, микро-), описать возможные типы связи между уровнями анализа и оценить потенциал применимости методологических практик из естественных наук при исследовании специфики поведения экономического агента.

Ключевые слова: экономический агент, междисциплинарный синтез, принцип рациональности, иррациональность, философия экономики

JEL: A12, B4, B52

Н.В. Смородинская
smorodinskaya@gmail.com

Д.Д. Катук
Институт экономики РАН
г. Москва

САНКЦИОННЫЙ КРИЗИС КАК МАЛОИЗУЧЕННЫЙ ФЕНОМЕН: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТИПОВЫЕ ЭФФЕКТЫ¹⁰

Идея экономических санкций восходит к неоклассической концепции рационального агента, позднее дополненной положениями поведенческой экономики [Kogut, 2022]. Предполагается, что нанесение стране-адресату экономических потерь путем прерывания с ней торгово-финансовых отношений должно позитивно изменить ее политическое поведение, побуждая ее руководство отменить решения, нарушающие нормы международного права [Hufbauer et al., 2009].

В мировой науке отсутствует общепризнанная теория санкций и консенсус по поводу их результативности [Hufbauer, 2021]. Нет и надежной методологии, позволяющей четко связать политические цели санкций с пакетом экономических запретов, эти запреты – с их макроэкономическими эффектами, а эти эффекты – с их экстерриториальными последствиями [Felbermayr et al., 2021]. Экономисты нуждаются в междисциплинарной теории санкций, примиряющей их сторонников и скептиков.

В докладе сформулированы закономерности протекания санкционного кризиса, вытекающие из обобщения опыта крупных нефтеэкспортеров – Ирана, находящегося под

10. Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Формирование научно-технологического контура и институциональной модели ускорения экономического роста в Российской Федерации»

мощными коллективными санкциями с 2011 г. и России, попавшей в 2022 г. под аналогичные ограничения, но втрое большие по масштабам. Мы показываем, что санкции ложатся на экономику неснимаемым грузом, а санкционный кризис — это волатильный процесс, не имеющий рыночного цикла преодоления как традиционный. Главной проблемой здесь оказываются не мгновенные шоки, а их перерастание в длительный макроэкономический стресс, когда падение реального ВВП сопровождается сжатием потенциального и выливается в упущенный рост в течение десятилетий [Смординская, Катуков, 2022]. Стресс делает преходящими успехи страны в смягчении первоначального спада и удержании макрофинансовой стабильности, лишая экономику прежних источников развития без создания новых. Если обычно экономика развивается путем усложнения [Hidalgo, 2021], то ее самоадаптация к искусственным внешним ограничениям связана с повсеместным структурным упрощением.

Стилизованные факты [Neuenkirch, Neumeier, 2015] и статистика Всемирного банка подтверждают наш общий вывод: любая подсанкционная экономика, независимо от ее исходных размеров и степени обратного влияния на мировую, подвергается отставанию от среднемировых показателей по уровню технологичности и благосостояния.

Ключевые слова: теория экономических санкций, санкционный кризис, макроэкономический стресс, структурное упрощение, российская экономика

JEL: F1, F13, F5, F51

Д.П. Фролов

Волгоградский государственный технический университет
г. Волгоград
ecodev@mail.ru

ОТ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ –
К ЦИФРОВЫМ ИНСТИТУТАМ:
ПОЧЕМУ НАМ НУЖНА ПАРАДИГМА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СЛОЖНОСТИ?¹¹

Важность сложно-ориентированной парадигмы для изучения и регулирования цифровых институтов (т.е. институтов, базирующихся на цифровых технологиях) связана с тем, что цифровые технологии по своей природе анти-равновесны, контр-сингулярны и стремятся выйти из-под контроля.

Например, алгоритмы искусственного интеллекта – это диффузные, неоднородные и нестабильные объекты, которые действуют многообразными путями через различные институты и практики. Этот взгляд отличается от стандартного взгляда компьютерных наук, согласно которому алгоритмы это дискретные, ограниченные правилами, четко формализованные и рутинизированные объекты. Социальные ученые тоже часто представляют алгоритмы как закрытые системы исполнения кода, которые управляются точными и строгими инструкциями. Такой техноцентричный подход чрезмерно упрощает реальную институциональную природу алгоритмов, которые вплетены в запутанные конфигурации технологических, рыночных, властных, дискурсивных, культурных и других отношений. Алгоритмы – аморфные и флюидные объекты, неразрывно переплетенные с институтами, сообществами, дискурсами и материальными инфраструктурами и динамично коэволюционирующие вместе с ними.

11. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00271.

Все черты и свойства алгоритмов и других цифровых технологий являются непрерывно меняющимися результатами постоянных взаимодействий людей и компьютерных систем. Поэтому такие выводы, как «алгоритмы непрозрачны», «алгоритмы манипулятивны» или «алгоритмы подвержены стереотипам» — это не столько технологические, сколько (и прежде всего) институциональные проблемы. В свою очередь, сложность и самообучающаяся природа алгоритмов ведет к возникновению противоречивых и запутанных цифровых институтов. Как и алгоритмы и другие цифровые технологии, цифровые институты представляют собой текучие, многозначные, нечеткие социальные структуры, генерирующие напряженность, производящие скрытые, отложенные и запутанные эффекты.

Осознание нередуцируемой институциональной сложности, растущей в цифровом мире, и переход к сложностно-ориентированному мышлению важны не только для институциональных теоретиков, но и в еще большей степени для практиков государственного регулирования. Так, регулирование цифровых платформ и экосистем до сих пор остается в плену у морально устаревших аналитических концепций, которые стремятся к обеспечению четкости определений и точности измерения. Эти концепции предназначены для равновесных, лишенных трений рыночных миров, игнорируя сложнейшую и динамичную институциональную архитектуру цифровой экономики. В результате скрытые эксплуататорские практики, которые применяют платформы в отношении компаний-комплементоров, находятся в зоне плохой видимости регуляторов. Многие стандартные теории не выдерживают испытания цифровой реальностью: в частности, речь идет о теориях конкуренции, собственности, денег, посредничества и др.

Ключевые слова: сложностно-ориентированный институционализм; цифровой капитализм; алгоритмы; блокчейн; большие данные; роботы; искусственный интеллект; институты.

JEL: B52, B41

Р.Р. Шарафуллина

Уфимский университет науки и технологий

г. Уфа

rozalia-23.05@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сегодня становится очевидным, что культура отражает современные проблемы, связанные с неравномерностью развития мира, политическими, социальными, экономическими и даже экологическими проблемами. отождествление культуры как источника предпочтений превращает абстрактные поведенческие предпосылки неоклассической модели выбора в конкретные решения, где культурные различия используются для объяснения паттернов потребления в разных странах. Современные эмпирические исследования взаимосвязи культуры и экономики, основанные на больших массивах данных разных стран, были сделаны такими учеными как Барро и Макклири [Barro, McCleary, 2003], Гранато, Ингхарт и Лебланг [Granato et al., 1996], Хэмпден-Тернер и Тромпенаарс [Hampden-Turner, Trompenaars, 1993], Бегельсдейк, Маселанд, Макклири и Барро [Begelsdijk et al., 2006] и Шейн [Shane, 1993]. В работах этих исследователей отмечается, что экономическая наука может объяснить определенные различия между странами благодаря установлению различий в предпочтениях у обществ с разными культурами.

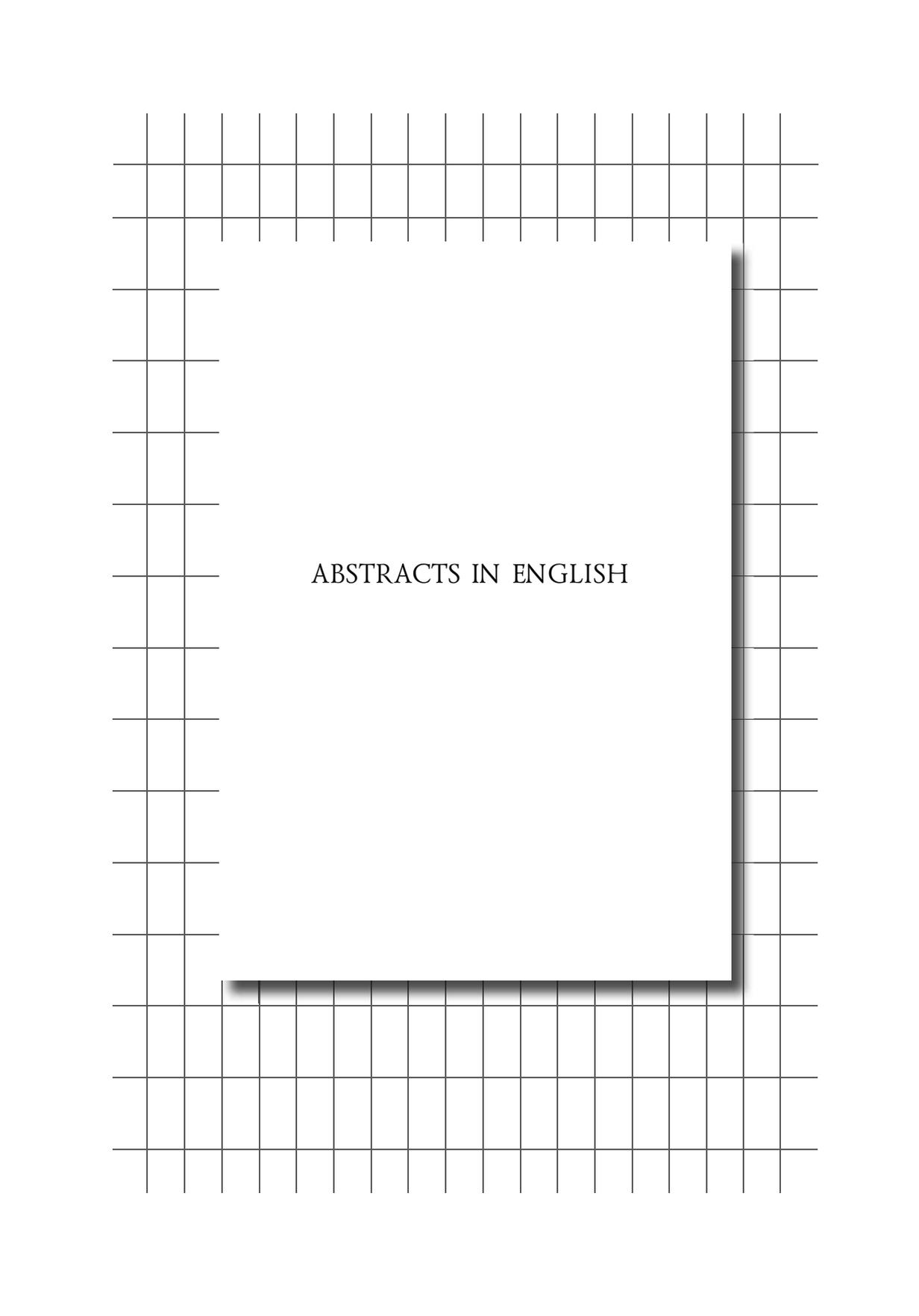
Существует альтернативный способ анализа культуры как источника ограничений в экономической модели рационального выбора. В экономических теориях новой институциональной экономики ограничительная функция является

одной из базовых функций институтов для снижения неопределенности и издержек при выборе и установления предсказуемости поведения. Традиционные культурные нормы и неформальные правила в некоторых работах новой институциональной экономики предполагаются ограничителями развития. Согласно Норту, ввиду наличия высоких транзакционных издержек действующих неэффективных институтов-правил продолжают функционировать несовершенные рынки и негибкие формы хозяйствования. Эти некачественные институты могут прочно закрепиться в культурном пространстве и мышлении общества. Именно поэтому невозможно свободно изменить институт по примеру более успешных и развитых стран. Во-первых, из-за тесной связи институциональной эволюции с историей и зависимостью от предшествующего пути развития. Во-вторых, из-за неформальных ограничений (ценности, нормы, культура, убеждения, мышление), которые укореняют и стабилизируют социальное и экономическое поведение агентов. Мнение о том, что копирование институтов развитых и успешных стран (конституционные статьи, государственное устройство, законодательство и др.) и проведение «сверху» одномоментных реформ по рекомендациям составителей программ преобразований приведет к бурному и скорому развитию экономики и всеобщего благосостояния не привело к ожидаемым эффектам. Поскольку обычаи и воззрения населения, сформированные в процессе длительной эволюции, не принимались во внимание. Изменение неформальных институтов связывается с большими издержками, если общество к ним не готово. В таком случае культура является ограничивающим фактором институциональной эволюции.

Культурные изменения происходят путем внедрения новых идей, новых возможностей вследствие глобализации. В мире происходит непрерывный процесс трансформации культур, а культурные различия определяют эффективность одних и тех же институтов в одних странах, в то же время демонстрируя свою неэффективность в других.

Ключевые слова: культура, институты, неформальные правила, институциональная эволюция, экономическое развитие

JEL: A 12, A13, B15, B25, B41, O11

ABSTRACTS IN ENGLISH

Alexander Ageev

International Research Institute for Advanced Systems,
National Research Nuclear University MEPhI,
MGIMO University
Moscow, Russia
Ageev@inesnet.ru

THE WOVEN WORLD: GLOBAL CHALLENGES AND SUPER CHALLENGES¹²

1. The world-system paradigm (MSP) is one of the forms of the systems approach. The systems approach, brought to the object of the “world” scale (Earth, planet, humanity), is doomed to the impossibility of a full-fledged empirical verification and its replacement by interpretations, including those using simulation modeling. Having produced significant results for the social sciences and politics, the MSP has been reduced to a number of basic statements. First, the world-system is considered closed, limited by the Earth and near-Earth outer space. Secondly, the world-system develops, accumulates mass, the ratios of subsystems change, imbalances arise, which is problematized by the concept of an “empty” and “full” world. Thirdly, the world-system can be described with sufficiently high accuracy. One can (1) select order parameters (blocks) and (2) provide parameters with expertly calibrated coefficients, (3) describe their direct and feedback relationships, (4) compose a system of differential equations as a “model of the world”, (5) formulate algorithms solution of this system of equations.

2. Claims against MSP should be made not so much in the phase of interpretations and practical applications, but, above all, at the level of methodology. There are at least three problems: teleology, impact, chaos. All these vulnerabilities

12. The report builds on the research team’s findings in the 2023 report to the Club of Rome. See: *The Woven World: The Cat Turned Over*. Report to the Club of Rome. A team of authors (A.I. Ageev, V.A. Gromov, S.B. Pereslegin and others). M: IRIAS, 2023.

have already been revealed in «World – models». Many parameters in them behave catastrophically, provoking alarmism in the estimations.

3. A possible and, it seems, inevitable modernization of MSP can be found within the framework of the development of a basic systems approach. This concerns the concept of the coexistence of two or three “worlds” and the civilizational direction, due to the transition to an organismic approach or to the concept of a sociosystem.

4. A paradigm shift of the world-systems studies also promises fruitful opportunities. Probably, these will be environmental and spheral approaches, respectively, in the “world-environment” and “world-sphere” formats. The environmental approach expands system properties to an unlimited number of elements and connections with non-obvious hierarchies and emphasizes the importance of wave processes, fields, phase transitions, and non-determinism of behavior. The spheral approach extends the environmental approach, assuming a finite size of the environment, several types of time, rhythms and cyclism, rotation axes, displacements, many ontologies, boundary and transboundary effects, including scenario radiation. It is appropriate to consider a number of social processes from a spheral perspective. Among them: the heterogeneity of the social environment, the layering of information, the block-hierarchical organization of the economy, the management of a complex society, the “tension of observers” from outside and inside the sphere, non-utilitarian vectors of expansion, etc.

5. The modern world still bears the traces of relatively autonomous geopolitical, geoeconomic, geocultural bipolar systems that emerged as a result of the Second World War and the subsequent “peaceful coexistence”. The list of events that today draw the world into a new mega-conflict largely repeats the prehistory of the First and Second World Wars. The recurrence of world wars testifies to the presence of some stable mechanism, with a certain periodicity, plunging humanity into

a state of military conflict. The forces of self-destruction can be balanced either by bringing the system to a totally controlled state, or to an effectively self-controlled state, or to their combinations. This in itself is a noospheric challenge.

Keywords: world-system, world-sphere, world order, sustainable development, geo-economics, systems approach

Askar Akaev

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
aakaev@hse.ru

OVERCOMING THE LIMITS:
SCENARIOS OF ENERGY TRANSITION
AND CHANGES IN GLOBAL TEMPERATURE

In the report to the Club of Rome, prepared in 2022 at the Lomonosov Moscow State University under the leadership of Academician V.A. Sadovnichy, much attention is paid to the analysis of the problem of climate change and the transition to renewable energy sources. The features of the current climatic situation associated with a general increase in the average global temperature as a result of an extremely high concentration of carbon dioxide (CO₂) in the atmosphere, the amount of which is increasing and poses a threat to the stability of the global ecological system as a whole, are considered. A specialized mathematical model has been developed designed to simulate the projected transition to renewable energy sources (RES) by the middle of the XXI century. The model takes into account the current trends in energy consumption based on data from the largest energy companies and international organizations in the energy sector, such as BP, Equinor, Shell, International Energy Agency (IEA), International Renewable Energy Agency (IRENA), and others. Three scenarios for the growth of the average global temperature of the surface atmosphere in the XXI century are proposed: a conservative scenario, an ambitious scenario and a Net Zero scenario. The conservative scenario assumes that government policy, technology, and social preferences continue to evolve in the same way as in the recent past. The ambitious scenario provides for the introduction of measures leading to a significant reduction in carbon emissions from energy use,

which in turn makes it possible to limit the increase in global temperature in the 21st century. The Net Zero scenario assumes that the measures proposed in the ambitious scenario are complemented and reinforced by significant changes in the behavior and preferences of society. Modern energy-efficient technologies and ways of using renewable energy sources are considered, the introduction of which is provided within the optimal Net Zero scenario.

Keywords: energy transition, mathematical modeling and forecasting, scenarios of global temperature change

JEL: B15, B25, P16, P51

Fedor Arzhaev

Financial University under the Government
of the Russian Federation
Moscow, Russia
arzhaevfedor@gmail.com

Vladimir Turko

Scientific Research Institute
of Labor of the Ministry of Labor
and Social Protection of Belarus
Minsk, Belarus

IS EURASIAN INTEGRATION IN MODERN CONDITIONS A NEW CENTER OF POWER?

It is widely known that globalization processes are being transformed very quickly and dramatically today. Globalization is no longer the end of Fukuyama's story, but a transitional stage to a more complex system of international economic relations, which is inevitably accompanied by conflict, high transaction costs, the creation of regional integration contours and integration cores.

To date, the Asian globalization cores have been formed, which include the developing countries of Southeast Asia, South Asia and the East Asian region. The centers of these cores are India and China, while due to significant economic expansionism, China is less attractive than India. The globalization core formed in Asia is distinguished by several features that determine further globalization processes with its participation. Firstly, it is the rejection of any policy related to political pressure on developing economies – the rejection of neocolonialism. Secondly, the new centers of power promote an export-oriented model of the economy, but with an emphasis on products of a high degree of processing. One more conclusion follows from this – the important role of technologies and their international

exchange in integration processes in Asia, in particular, the high influence of global and regional value chains on the role of countries in integration associations. It is equally important that the countries around which integration is taking place in Asia were able to gain significant advantages from the countries of the “collective West” in one field or another, playing by the rules established by Western states. Without the participation of these countries and their institutions in the global monetary and financial architecture, its existence is impossible. There are also a number of less important features, namely, healthy protectionism, rejection of liberal values, promotion of their own socio-cultural models, reduction of non-tariff barriers to foreign trade.

The analysis of other regions, namely, the Latin American region, demonstrates the lack of opportunities today to form a stable core of globalization, but the processes of regionalization in Latin America are quite strong. The Anglo-Saxon model of globalism today cannot cope with new challenges, although it remains quite attractive for developed countries seeking to maintain the status quo.

In this regard, it would be logical to consider the Eurasian integration model for the presence of processes of formation of the globalization core. According to a methodology similar to the search for globalization cores in other regions, having considered the EAEU, a number of important conclusions can be drawn. Firstly, the EAEU is not monolithic – it is the integration of two speeds and three vectors. The key countries of integration – Russia, Belarus and Kazakhstan are closely connected with each other, even despite the presence of centrifugal trends in the Kazakh economy. They represent three vectors, among which the most powerful is the Russian one. Of the 12 CIS countries (11 without the Russian Federation), 4 have very close economic ties with the Russian Federation, another 5 have significant similarities in the economic model. The other vectors are less significant, it is not surprising that the Kazakh vector is more significant for the countries of Central Asia, and

the Belarusian one for countries more inclined to pursue a policy of rapprochement with Western countries (Azerbaijan, Moldova) and Uzbekistan.

In the context of the formation of the integration core in the EAEU, it is necessary to perceive the Union not so much as an integration association, but as a fairway of Russia's policy in Eurasia. Proceeding from this, it is necessary to completely reform the organization's development system in order to: a) achieve greater integration of production chains, b) reduce non-tariff barriers within the EAEU even in sensitive industries, c) develop close economic integration at the level of state policies, d) abandon the bureaucratization of collegiality of decisions to delegate authority to a single decision-making center, e) social partnership.

Keywords: Eurasian integration, globalization, globalization cores, centers of power, Asian monetary and financial architecture

JEL: C44, F02, F55

Evgeny Balatsky
Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences;
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Moscow, Russia
ebalatsky@inbox.ru

GEOPOLITICAL INVERSION AS A RESULT
OF INSTITUTIONAL CRISIS:
THE MODEL INTERPRETATION

In political science, the effect of the complexity of the social system, which affects the nature of power, is already explicitly taken into account. In particular, the Italian political scientist Danilo Zolo justifies the success of authoritarian regimes precisely by increasing the complexity of modern society. At the same time, we are witnessing the beginning of the process of geopolitical inversion (GPI), which is understood as a change in the center of world capital and its movement around the planet to another region and to another jurisdiction. Although the GPI mechanism is well studied, the question remains whether the current global hegemon (currently the United States) can restart the cycle of capital accumulation. Today, the question of what the current leader-state lacks to maintain its dominance has become more acute.

To answer this question, the report proposes the simplest possible dynamic model, which, along with the classical three-factor production function, including labor, capital and institutions, and the capital accumulation equation, contains an additional equation that takes into account the growing complexity of society and the erosion of the institutional order caused by this process. Thanks to this representation of the process of economic growth, it is possible to reflect the direct and

inverse relationships in the system in a new and unconventional context of the confrontation between the speed and stability of economic growth. Thus, economic growth itself generates an increase in investment and capital growth, but at the same time it generates the complexity of society and a decrease in the effectiveness of institutions that begin to limit further economic growth. Thus, there is an obvious dilemma between two growth modes – fast, but uneven, and slow, but smooth.

Computational experiments with the model show that neutralizing the growth of complexity requires periodic institutional reforms, and in certain cases, no reforms can restore normal economic dynamics, which gives a start to the search for a new global capital center and initiates a GPI. In the future, the calibration of the model may allow us to find reasonable combinations of growth rates and intensity of reforms in the long term.

Keywords: geopolitical inversion, geopolitical turbulence, economic growth, institutions

JEL: B15, B25, P16, P51

Viktor Dementiev

Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
vedementev@rambler.ru

UPDATING THE TECHNOLOGICAL BASE OF PRODUCTION AND MONETARY POLICY

The investment crisis often appears among the reasons for the slowdown in the growth of the Russian economy. There is a great divergence of opinion regarding the possibilities of overcoming this crisis with the help of monetary policy. Conclusions about the weakening of the effectiveness of monetary policy in Russia are usually justified by references to existing macroeconomic conditions. Meso-economic circumstances remain beyond the scope of the analysis of why the reduction of interest rates may not provide the necessary increase in investment activity in the Russian economy.

In many countries, the transition of the economy to a new technological level is associated with the cultivation of national technological champions. This is why special attention is paid to companies showing high growth rates. Such companies make a great contribution to the creation of new jobs and to the increase in the country's GDP. However, Russian gazelle firms, as a rule, begin to significantly reduce their growth rates before reaching large output sizes or capitalization.

Meso-economic factors are often overlooked when analyzing the causes of this slowdown. These include the long-term presence on the market of firms with low efficiency, and even unprofitable enterprises. Foreign experience shows that many champion companies operate in markets where the effect of scale of production plays an important role. When a significant part of the market is occupied by unprofitable enterprises, it is

difficult for a potential champion to realize his technological advantages.

The long-term existence of unprofitable enterprises means that the mechanism of creative destruction does not work. In practice, the self-purification of the market from less effective participants can be very slow. In Russia, inefficient firms are helped to stay on the market longer by the public procurement system, as was shown in a study by the Bank of Russia. Banks also contribute to prolonging the life of such firms by providing additional loans to the debtor to pay interest on outstanding debts.

The low utilization of existing capacities and the continued presence of unprofitable enterprises on the market limit the opportunities for investment activation through a general reduction in real interest rates. Such a decrease can increase the availability of loans for firms focused on technological innovation. However, at the same time it can prolong the existence of firms that restrain the development of innovative enterprises. The activation of the processes of creative destruction is facilitated not so much by a general reduction in interest rates as by stimulating private investment through subsidized lending to projects that provide structural shifts in the economy.

Standard macroeconomics courses unambiguously depict the relationship between interest rates and investments. In practice, an increase in the share of private investment in GDP may correspond to an increase in the real interest rate.

Keywords: mesoeconomics, investments, interest rates, national champions, gazelle firms, technological development

JEL: B15, B25, P16, P51

Daniil Frolov
Volgograd State Technical University
Volgograd, Russia
ecodev@mail.ru

FROM DIGITAL TECHNOLOGIES
TO DIGITAL INSTITUTIONS:
WHY WE NEED THE PARADIGM
OF INSTITUTIONAL COMPLEXITY?¹³

The importance of the complexity-oriented paradigm for the analysis and regulation of digital institutions (i.e., institutions based on digital technologies) is due to the fact that digital technologies are inherently anti-equilibrium, counter-singular and tend to get out of control.

For example, AI algorithms are diffuse, heterogeneous, and unstable entities that operate in multiple ways through heterogeneous institutions and practices. This view differs from the standard computer science view that algorithms are discrete, rule-bound, well-formalized, and routinized entities. Social scientists, too, often think of algorithms as closed code execution systems that are governed by precise and strict instructions. Such a technocentric approach oversimplifies the real institutional nature of algorithms, which are woven into intricate configurations of technological, market, power, discursive, cultural and other relations. Algorithms are amorphous and fluid objects, inextricably intertwined with institutions, communities, discourses and material infrastructures and dynamically co-evolving with them.

All features and properties of algorithms and other digital technologies are constantly changing results of the constant interactions of people and computer systems. Therefore,

13. The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation no. 21-18-00271.

such conclusions as “algorithms are opaque”, “algorithms are manipulative” or “algorithms are biased” are not so much technological as (and above all) institutional problems. In turn, the complexity and self-learning nature of algorithms leads to the emergence of contradictory and confusing digital institutions. Like algorithms and other digital technologies, digital institutions are fluid, ambiguous, fuzzy social structures that generate tension, producing latent, delayed, and entangled effects.

Awareness of the irreducible institutional complexity that is growing in the digital world and the transition to complexity-oriented thinking are important not only for institutional theorists, but even more so for policy-makers. Thus, the regulation of digital platforms and ecosystems is still captive to obsolete analytical concepts that seek to ensure clarity of definitions and accuracy of measurement. These concepts are designed for balanced, frictionless market worlds, ignoring the highly complex and dynamic institutional architecture of the digital economy. As a result, the hidden exploitative practices that platforms use against complementors are in the zone of poor visibility of regulators. Many standard theories do not withstand the test of digital reality: in particular, we are talking about the theories of competition, property, money, intermediation, and many others.

Keywords: complexity-oriented institutionalism, digital capitalism, algorithms, blockchain, big data, robots, artificial intelligence, institutions

JEL: B52, B41

Sergey Glaziev
Eurasian Economic Commission,
Moscow, Russia
ief@guu.ru

Dmitry Mityaev
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Moscow, Russia

THE FORMATION OF THE MONETARY
AND FINANCIAL SYSTEM
OF THE NEW WORLD ECONOMIC ORDER

Neoclassical economic theory (mainstream) considers the monetary and financial system to be a service (service) subsystem of macroeconomic systems. The mainstream, based on the concepts of general equilibrium and financial hedging, is openly apologetic in its interpretation of financial, currency problems and the current state of global architecture, denying a systemic crisis of the global geo-economic and, above all, financial and monetary world order.

The concept of world economic modes (WEM), based on the theory of change of technological modes, developed for more than 30 years, considers the monetary and financial system not a service, but a control subsystem of the world economic system – at least for the last 300 years, during the British and American capital accumulation cycle (by J. Arrighi), corresponding to the colonial and imperial world economic modes. It was the creation at the end of the 17th century of the Bank of England and the simultaneous minting of all coinage under the direction of Sir I. Newton, director of the London Mint, that created the first two-loop monetary circulation (the circuit of investment bank money and the circuit of cash circulation with “fair coin”), which allowed England to become the center of the

global financial system and sterling to gradually displace other reserve currencies. This became the basis (governing system) of the colonial WEM, allowing England to carry out a revolution in the military and then in industry.

Imperial WEM arose in two variants: 1) the Soviet system in the 1930s emerged from the installation of a three-loop monetary circulation (investment circuit - cash turnover - foreign trade), which allowed the removal of financial constraints on industrialization and the accumulation of currency for importing technologies and institutions from the then advanced American and German currency-technology zones; 2) the American system (and behind it all other successful replications - West German, Japanese, “Asian Tigers”) also mastered a multichannel targeted money issue for technological development goals. The heyday of imperial WEM led to the formation, by the 1960s, of a “welfare society” on both sides of the «iron curtain».

At the same time, the imperial WEM and the monetary and financial system based on multi-channel money issue came to the limits of its development both in the USSR (causing technological multiformity and imbalance of the monetary circulation, the so-called “deficit economy”), and somewhat later in the West, which passed through a period of stagflation in the 1970s and 1980s to the stage of direct robbery of both its periphery (primarily the defeated USSR) and the future – through exponential growth of the debt burden and the formation of “financial bubbles”.

For the countries on the periphery of the American-centric “world-system” (according to I. Wallerstein) the imperial financial order turns out to be a regime of “currency rule”, which Russia used for 30 years after 1991, entering on the terms of “raw-material colony”. This resulted in large-scale depopulation (including brain drain) and decapitalization (capital outflow for 5-10% of GDP per year) of the economy, a drop in the technological level and the integrity of reproduction.

In the 2000s and 2010s, China and a number of other Southeast Asian countries began to form the “core” of a

new, integral WEM, based on the transition to convergent technologies (NBICS) of the 6th technological mode. The report substantiates that the integral WEM corresponds to its own, alternative to the Bretton Woods (dollar-centric), global management currency and financial system, based on digital technologies to ensure accelerated and integrated socio-economic development.

The report examines the systemic requirements for a new global monetary and financial architecture, based on the logic of the development of the new WEM.

Keywords: the concept of world economic modes, the theory of change of technological modes, the systemic crisis of the imperial WEM, the new world financial architecture of the integral WEM

JEL: E42, E44, E47, E69, F33, F36, F39

Oleg Golichenko

Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
golichenko@rambler.ru

STUDY OF TYPES OF INNOVATIVE MESOTRAJECTORIES

In the paper, the mesotrajectory of innovation development is understood as a process that includes the sequential passage of the phases of emergence (birth), diffusion (adoption and assimilation, or borrowing and adaptation) and retention of a new rule (innovation) in the socio-economic system. Indices describing the evolution of the innovation rule during the trajectory phases are introduced. They are calculated for 19 European countries, as well as for Russia. The indices are of two types: indices of the subject's innovation performance at a phase of the trajectory and ones of the innovation process characteristic of the phases or sub-phases of the mesotrajectory). The index values of the first type indicate the actual result achieved by the subject (country) in the corresponding process at a phase or sub-phase of the trajectory. The values of the index of the second type, in fact, determine the priorities in the activities of the innovative entity. The assessment of the trajectory from the two mentioned positions allows us to judge, on the one hand, about the arrangement of priorities in "building" the way of development and, on the other hand, about the degree of their implementation in practice. As a result of the analysis of the constructed index matrices, the several types of trajectories followed by the countries were identified. Among these types there are trajectories of mosaic evolution, organic growth, intermittent equilibrium, as well as several types of hybrid ones.

Keywords: mesotrajectory, phases, indices, matrices of results and priorities, mosaic evolution, organic growth, intermittent equilibrium

JEL: O31, O38

Mikhail Golovnin

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
mgecon@mail.ru

INTERNATIONAL MONETARY
AND FINANCIAL SYSTEM:
CURRENT CHALLENGES
AND RISKS FOR THE FUTURE

In modern conditions, changes are taking place in the international monetary and financial system, the scale of which cannot be fully assessed at the current moment, but a comparative analysis of the importance of various current challenges is required. The most important challenges include an increase in the global debt burden (mainly in terms of servicing of this debt), increased volatility in the main segments of the global financial market, the spread of shocks to the most vulnerable emerging markets, the development of digitalization processes and the associated structural changes of the international monetary and financial system. The expansion of the use of sanctions regimes (primarily financial sanctions) can lead to fragmentation of the international financial system, which had been started by the spread of a new wave of protectionism in 2018, and its effect was strengthened by unprecedented sanctions against Russia in 2022. Meanwhile, the implementation of a number of threats seems unlikely (for example, that the US dollar will lose its leading position in the international monetary system). There is a need to strengthen supranational regulation in the international monetary and financial system, including the regulation of international capital flows. However, the

fragmentation of the system makes the likelihood of new global regulations extremely low.

Keywords: international monetary and financial system, international financial markets, global debt problem, digital finance.

JEL: F31, F34, F38

Anton Grinin
HSE University
Moscow, Russia
algrinin@gmail.com

Leonid Grinin
HSE University
Moscow, Russia
leonid.grinin@gmail.com

THE CYBERNETIC REVOLUTION AND 21st CENTURY TECHNOLOGIES¹⁴

Our presentation examines current and future development of technologies in the framework of the Cybernetic Revolution – the third of the largest production (or technological) revolutions, after the Agrarian and Industrial ones. The Cybernetic Revolution is a fundamental transition from the industrial production to the production of services and goods based on a widespread implementation of self-regulating systems, that is, systems that can not only function in the absence or with minimum involvement of people, making complex decisions. This transition has already started and it will continue up to the 2070s. The Cybernetic Revolution began its active development in the 1950s and it has now finished its modernization phase. At the moment the key technologies are ICT and artificial intelligence (AI), which role in society is gradually increasing, and they come with both, benefits and potential risks. However, we assume that from the 2030s the new – final – phase of the Cybernetic Revolution will start. Its major technological breakthroughs will lead to the formation and widespread implementation of self-regulating systems. By

14. This research has been supported by the Russian Science Foundation (Project No 23-18-00535).

self-regulating systems, we mean not only machines and other technical devices but a wider range of systems and controlling processes, including those of biological, physiological, technological, social and other nature, with high level of self-regulation which are and will be implemented in different areas (including medicine, genetic engineering, robotics, social relations).

We also assume that new technologies will come to the fore. They forecast that it will be a set of technological spheres and the MANBRIC- complex/ convergence is taking shape and will actively develop in the final phase of the Cybernetic Revolution (in the 2030s–2070s). The MANBRIC is an abbreviation formed from the initial letters of the seven breakthrough areas: Medicine-Additive-Nano-Bio-Robotics-Info-Cognitive technologies. At present, these technological fields closely interact and corroborate each other and will continue to do so increasingly in the future. Due to its specific characteristics medicine will be an integral part of the MANBRIC-complex. We offer some scenarios for further technological development. They significantly depend on the areas where technological breakthroughs will start. The main developmental scenario is presented as a breakthrough which will occur in the 2030s in the field of medicine, especially at the nexus of its new directions and some areas of the MANBRIC. There will be the introduction of innovations based on self-regulating systems in various fields of social activity (economy, medicine, biology, and socio-administrative structures). We describe the most favorable scenario of technological development and give recommendations on how to move towards this scenario.

Keywords: technological development, technological revolution, self-regulating systems, MANBRIC, cybernetic revolution

JEL: O30, O33

Leonid Grinin

HSE University

Moscow, Russia

leonid.grinin@gmail.com

Anton Grinin

HSE University

Moscow, Russia

algrinin@gmail.com

OVERCOMING THE LIMITS: THE FUTURE CYBERNETIC SOCIETY¹⁵

The authors look at the forthcoming decades up to the late 21st century, focusing on two important processes of development. The first of these is technological changes connected with a new technological wave or in the authors' terms the final phase of the Cybernetic Revolution. This technological revolution will result in the widespread introduction of self-regulating systems. The second one is the process of global aging, which will be influencing more and more all spheres and relations in future society. As a result of the two processes, a society will emerge, which the authors call "Cybernetic society" (or "Cyber-society") because its formation will be inextricably linked with the completion of the Cybernetic Revolution and its consequences. Thus, it will be an elderly society, with the institutionalization of age differences (and ageism), relying almost entirely on smart (cybernetic) technologies and self-regulating systems on the base of AI.

It will be society, which will have fundamentally new characteristics and consequently it will be very different from all previous societies. On the one hand, it will be closely connected with very deep technological changes in the management

15. This research has been supported by the Russian Science Foundation (Project No 23-18-00535).

and regulation of our life at all levels. On the other hand, it is inextricably linked with the process of global aging, because aging becomes an integral part of society. As it develops and the institutions adapt to it, no sphere of society will remain unchanged, including technology, economy, consumption, social sphere, ideology, etc. In short, cybernetic society is an elderly society with the institutionalization of age differences, relying almost entirely on smart (cybernetic) technologies and self-regulating systems. Accordingly, this society will have its strengths and weaknesses, successes and even triumphs, but it will not be free from some serious problems. Cybernetic society must go through a difficult path of social frictions, conflicts, optimizations before many things become institutionalized. Techno-social regulation has important advantages, but it also includes violence against the will and freedom of people. Therefore, a long way is required to optimize regulations in order to take into account a variety of needs, desires and problems. Even short-term regulation with the help of technology during the COVID-19 pandemic has shown how painful it could be for societies.

Key words: aging, technological development, self-regulating systems, Cybernetic Revolution, Cybernetic society, elderly society, ageism

JEL: O33, O30

Alexander Kachelin

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
kachelin@inecon.ru

BRICS+ AS THE FOUNDATION OF A NEW WORLD ORDER: PROBLEMS AND PROSPECTS

The relevance of the topic of the XV International Pushchino Symposium on Evolutionary Economics is dictated by the growth of geopolitical risks, military confrontation and uncertainty of the next transformation of the world order as a result of the formation of a new configuration of international economic relations and transnational blocs. Twenty–two years have passed since the acronym BRIC was introduced into business by senior analyst Jim O’Neill in an investment bank report at The Goldman Sachs Group, Inc. – “Dreaming with BRIC. The path to 2050”.

One of the most important driving forces of this kind of transformation of the world economy are the countries of the global South, creating their own institutions, regional integration associations and financial settlement systems, an analogue of the SWIFT international interbank transfer payment system, an alternative payment system BRICS Pay, the creation of a New Development Bank and their own reserve currency. This is actually turning into a real alternative to the Bretton Woods institutions. Among the leaders of these processes are the largest emerging markets, primarily the BRICS countries (eng. BRICS is an abbreviation of the name of the participating countries Brazil, Russia, India, China, South Africa). The Group of BRICS member countries as an international organization is not formalized, does not have a clearly defined structure, secretariat, charter and institutionalized format. The interaction of the

participating countries is carried out in the form of summits of heads of state, meetings of industry ministers and ambassadors on various issues and assignments. Official summits are held annually in one of the participating countries. A clear sequence of summits is observed: Brazil – 2019, Russia – 2020, India – 2021, China – 2022, South Africa – 2023. The chairman of the association is the host country of the summit, which ensures coordination of all current activities.

It is obvious that 2022 has become the most serious test for the group of BRICS member countries in terms of cohesion, ability to withstand external pressure and demonstrate an alternative to the hegemony of the collective West led by the United States. On the territory of Ukraine, it is now being decided who will be the world leader of the XXI century or there will be several such leaders.

There is no doubt that General Charles de Gaulle's concept of a "Greater Europe" from Lisbon to Vladivostok, of close historical and cultural ties between Russia and Europe is untenable. For the first time in its history of confrontation with European countries, Russia has faced a politically mobilized collective West, where it is difficult for us to find partners and interlocutors, with the exception of Hungary and Serbia. Countries that traditionally adhere to neutral political views (Finland, Sweden, Austria, Ireland, Switzerland) have actually joined an unprecedented sanctions regime against Russia by their actions and statements.

The group of BRICS member countries is considered a major influential international structure that is capable of countering the collective West. Today BRICS: this is 26% of the land and 43% of the world's population, as well as 27% of the world's GDP. Despite the absence of certain procedures, rules and requirements for possible candidates to join the group, there have been recent trends towards the expansion of BRICS, which will significantly strengthen the group's position on the world stage. Obviously, one of the issues on the agenda of the BRICS summit in South Africa this year will be the approval of the

further expansion of the group and the entry of Iran, Argentina, Saudi Arabia, Turkey, Egypt, Mexico and other countries of the developing economies of the world. The peculiarity of the BRICS is that each participating country is simultaneously the leading economy on its continent or in the region, within the framework of an agreement on regional integration and the absence of a clear leader. The expansion of BRICS at the expense of important players in the world community threatens the dominance of the collective West. Such a group of key countries of the global South will become the foundation of a new world order.

Keywords: world order, summit, global South, collective West, sanctions, participating country, leader, domination, reserve currency, payment system

JEL: F01, F02, F55

Evgeny Kapoguzov

Moscow State Lomonosov University

Moscow, Russia;

Omsk State University

Omsk, Russia

egenk@mail.ru

INSTITUTIONAL ENVIRONMENT
AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA:
THE CASE OF DEEP OIL REFINING

In the context of sanctions pressure on the Russian oil and gas sector, the problem of ensuring technological sovereignty and forced import substitution in the field of deep oil refining is one of the most significant. For many years, the largest Russian oil refineries used Western technologies, following the strategy of “resources for technology.” The situation began to change after 2014 after the introduction of sectoral sanctions, including on the Russian oil and gas sector, and became especially aggravated in 2022, when further difficulties arose related to the refusal of Western companies to service installations for deep processing of raw materials, in particular in the field of catalytic cracking and other processes. Meanwhile, the country’s leadership sets the task of ensuring “real technological sovereignty, creating an integral system of economic development, which, in terms of critically important components, does not depend on foreign institutions” (from a speech by V.V. Putin at the St. Petersburg International Economic Forum). Moreover, we are talking not just about “forced import substitution”, but about “advancing development”, about creating unique technologies and goods that provide global technological leadership and improving export potential.

At the same time, in relation to one of the key areas - oil refining, the situation with technological sovereignty is far from

the success. If we take catalytic processes as a case, then for many positions (in particular for catalytic cracking), there is a critical dependence on imports. At the same time, the volumes of own production of catalysts by the largest Russian companies that have their own divisions in the field of catalysis (Rosneft and Gazpromneft) are several times lower compared not only with world leaders such as Exxon Mobil, Chevron, Royal Dutch Shell, but also with BRICS partners, in particular Chinese Petrochina, Sinopec, Brazilian Petrobras. A similar situation is observed in the field of supply of vacuum gas oil hydrocracking catalysts, diesel fuel hydrotreatment, hydrowaxing and olefin polymerization with catalysts. And this is despite the presence of specialized research institutes that are part of the structures of the Russian Academy of Sciences (for example, the Federal Research Center “Institute of Catalysis named after G.K. Boreskov of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”), the presence of specialized enterprises in Russian VIOCs (in particular, Gazpromneft Catalytic Systems (Omsk), Plants in Angarsk and Novokuibyshevsk (Rosneft), as well as financial support for research through the Russian Science Foundation (in particular, mega-grants were allocated to solve this problem).

In addition to the technological one, the problem with catalytic processes and solving the problems of ensuring technological sovereignty is also connected with institutional factors. First of all, we are talking about the problem of “tunnel vision” of subjects participating in the chain of fundamental research - industrial innovations - commercialization. Another component is related to the closeness of companies in terms of the possibility of exchanging experience (knowledge diffusion) and promising advanced technologies between the largest Russian companies that do not use the strategy of “cooperation” for the sake of corporate interests. The third component is related to the difficulties of providing human resources.

To overcome the existing difficulties and ensure not only technological sovereignty, but also opportunities for technological interaction with “friendly countries”, it is necessary

to search for the possibility of mutual interests of the BRICS countries in the field of technology exchange, organization of research consortiums and technology transfer. As an interaction option, it is possible to switch from the export of primary raw materials to secondary processing products (which is realized in the supply of needle coke by Russian companies to China) and the possibility of exchanging raw materials for technology in trade with India, which is one of the beneficiaries, along with Turkey, of the transformation of Russian hydrocarbon exports. Technological interaction can be provided through the development of engineering services and technology diffusion, as well as parallel technology imports and “learning by doing” effect. This requires both adjustment of state and corporate strategies, and building closer interaction between fundamental science, production and marketing in these areas.

Keywords: deep oil refining, institutional environment, technological sovereignty, economics of sanctions

JEL: B 52, L72, O33, Q 55

Svetlana Kirdina-Chandler

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
kirdina@inecon.ru

BIPOLAR COALITIONS AS THE ECONOMIC
AND POLITICAL BASIS
OF THE NEW WORLD ORDER¹⁶

The paper considers the consequences of one of the topical aspects of the complex and, according to some estimates, catastrophic state of the modern world – the collision of conflicting trends in globalization and sovereignty. The downward trend of globalization (not to be confused with internationalization) is observed after the global financial and economic crisis of 2008–2009. It has intensified under the influence of the covid pandemic and sanctions restrictions. Sovereignty trends, including those influenced by these factors have, on the contrary, an upward trend. In the 2020s, the contradictory tendencies of globalization and sovereignty increased the threat of world chaos. The resolution of contradictory tendencies and the formation of a new world order is possible on the basis of one of the models of a (new) unipolar, multipolar or bipolar world. The paper compares the perspectives of each of these actively discussed models of world development. On the basis of the analysis carried out, based on the theory of institutional X-Y matrices and empirical data, the greatest probability is the formation of a bipolar world. Bipolar international coalitions will become the economic and political basis of the new world order. Their composition was

16. The paper is prepared in accordance with the state plan for the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, No. 121030500099-6.

predicted by the author in the book “Institutional Matrices and the Development of Russia...” (Kirdina, 2014. In Russian) and is confirmed by recent practice.

Keywords: new world order, globalization, unipolarity, sovereignty, multipolarity, bipolar coalitions, theory of institutional X-Y matrices

JEL: B25, P51

George Kleiner

Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
State University of Management
Moscow, Russia
george.kleiner@inbox.ru

Maxim Rybachuk

Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
Moscow, Russia
m.ribachuk@gmail.com

SYSTEMS PSYCHOLOGY AND BACKGROUND OF CROSS-COUNTRY CONFLICTS

As a methodological basis for analyzing various phenomena and formations, the system paradigm focuses the researcher's attention on the search for fundamental properties and patterns inherent in socio-economic systems of multiple scales, locations, and purposes. Identifying such characteristics makes it possible to carry out the basic typology of such systems to determine the background and main features of their behavior, development, and interaction. With systems view, it becomes possible to eliminate many situational details and specific circumstances that sometimes obscure the primary problems and suitable methods for solving them. At the same time, a systems view makes it possible to extract and transfer specific knowledge obtained from studying some classes of systems to others.

In this paper, this methodology is applied to analyzing the system properties of countries as subjects of world geopolitics

to identify the fundamental prerequisites for developing their relationships in the medium term. Moreover, using the context and methodological tools of the systems paradigm, we apply the concepts and approaches characteristic for systems at the intra-country level – social strata, groups of individuals, economic and social actors to country-level systems.

The concept of the psychology of a subject as a set of features of information perception, thinking, and behavioral reactions that are stable for a given subject is, as can be shown, of a systemic nature and, therefore, can be applied to social systems at any level. Thus, discussing the psychology of the household, enterprise, and country's organization becomes possible. The concept of systemic psychology of a specific socio-economic system arises.

It consists of the psychological characteristics of the systems of nanoeconomic, microeconomic, mesoeconomic, and macroeconomic levels, as well as the traditions of interlevel interactions. Using the classification of socio-economic systems into object, process, project, and environment (Kleiner, 2011) and the theory of tetrads, which determines the types of interactions between these systems, we can divide countries into four classes, depending on the predominant type worldviews of these countries' population concerning the place of each country in the geopolitical space-time. According to this approach, in particular, Japan is one of the object countries and, accordingly, has object psychology; China is among the process countries with process psychology; the USA is among the project countries with project psychology; Russia, with its gigantic territory, is one of the environment countries with environment psychology. Systems psychology determines not only the worldview of the respective peoples but also the background for the formation of stable relationships between countries: from the theory of tetrads, it follows that the relationship between object and environment countries; environment and process; process and project; project and object can for a long time retain the cooperation and collaboration features. At the same time, relations between environment and project countries and between object and process countries are tense and do not allow for a deep

mutual understanding. The conflicting nature of relations between Russia and Ukraine, both in historical retrospect and today and, apparently, in the medium term, can be explained by these countries belonging to the number of environmental and project socio-economic systems.

In the dynamic aspect, analyzing the prerequisites for competitive/cooperative relations between countries should consider the stage of the system cycle at which each country is in a given period (Kleiner and Rybachuk, 2019). Although each country stably belongs to one of the four types of socio-economic systems, it contains, in varying proportions, subsystems of all four types. The system cycle reflects the sequence of transition of leading functions in the internal socio-economic space of a given country from one subsystem to another along the chain “object subsystem – environment subsystem – process subsystem – project subsystem – object subsystem”. It is advisable to establish connections between the currently leading subsystems of each country to reduce the likelihood of an intercountry conflict. If the corresponding subsystems are among the “friendly” pairs, their interaction softens intercountry relations. If these pairs are among the “conflicting”, then efforts to improve relations between countries should be frozen until the moment when, due to the transfer of leadership between subsystems within the system cycle of each of the countries, a situation arises when “friendly” subsystems become leaders.

Thus, the extension of the concept of “psychology” to country systems, together with the use of system cycles theory, makes it possible, on the one hand, to identify the prerequisites for confrontation/cooperation in relations between two or more countries, on the other hand, to determine the composition and timing of the implementation of measures aimed at mitigating contradictions between countries.

Keywords: system, psychology, tetrad, systems cycle, relations between countries

JEL: F63, O50, E70

Olga Kornienko
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
lin_expr@mail.ru

KONDRATIEV'S LONG WAVES THROUGH THE LINGUISTIC PRISM

Interdisciplinary research at global time is becoming increasingly important, the natural science methods penetrating into socio-political and economic studies. The working hypothesis of this study is: languages changes follow the trends in technology, economics, geopolitics, ideology. Besides, the changes in language can be the basis for conclusions that are drawn from the state of society, its integration into the world economic and technological progress. Moreover, each of word-formation mechanisms, complication or simplification of grammar, variants of pronunciation of words become indicators of the state of this or that society.

The theory of Long waves, developed by Nikolas Kondratiev, takes into account and explains the totality of various factors in the development of countries and civilizations, and an objective reflection of it can be seen in the invariant form of the language, and it is advisable to consider and reconsider how changes in the language reflect the evolutionary process.

A stream of borrowed foreign vocabulary characterizes the reign of Peter I, when many words from the field of science and technology come along with new technologies: “algebra, ammunition, optics, globe, varnish, compass, cruiser, port, corps, general, deserter, cavalry, rent, tariff”, etc. Borrowings indicate the backwardness of the nation and the first cycle of the Great Waves was the period of Russia’s slow integration into technological progress.

The nineteenth century which, according to the theory of Long waves by Nikolas Kondratiev, witnessed the second (1830-

1880) and third (1880-1930) cycles rich in an array of events. The course of world development does not directly affect Russia; however, we find echoes of the change in everything which characterizes new industrial formations: from water energy to steam energy, and then to coal electric energy. This period was the time of the emergence of new terms denoting phenomena and processes: dialectics, materialism, ultraviolet. In the second half of the 19th century, the Russian language was already capable of expressing complex concepts on the basis of affixation and word formation: “lawlessness, self-activity, self-government, lack of content”, which means that society had already quite actively integrated into progress.

The third Kondratiev’s wave (1880-1930) coincides with turbulent phases in Russian history and it shows an intensive use of the word-creative possibilities of the language via semantic transfer. At the beginning of the Soviet period, dynamism became especially active which implies a word-formation mechanism of abbreviation: децисты, колхоз, политизолятор, ГУЛАГ, Минздрав, ВЧК. The fourth wave (1930-1980) coincides with the phase of the country’s active influence in the world and its self-sufficiency, the development of its own science, though in a closed economic system, which is reflected in the Russian terminology: аппарат ГБ-8, энергодуговые печи, фотобумага, кинопроекторы, усилители (the GB-8 apparatus, electric arc furnaces, photographic paper, film projectors, amplifiers).

The fifth wave, which began in 1980, showed the country’s obvious lagging behind world technologies, and Russia was integrated into the new coordinate system according to the most painful scenario: through the breaking of everything and revolutionary economic and political transformations. The Russian language reacted very sarcastically, through the process of blending: «дурократия (дураки + демократия), пропаганец (пропаганда + поганец), паучеризация (паук + ваучеризация), гейропеец (гей + европеец), досидент (досидеть + десидент), идеепродавец (идея + хриstopродавец)» (durocstasy,

propaganets, poucherization, gayropean, dosident, idea-traitor and etc.).

Keywords: technological progress, Kondratiev long waves, blends, terminology, abbreviations

Olga Koshovets

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

THE GLOBALISATION OF GOVERNANCE AND EDUCATION AS A MEANS OF PROMOTING A DOMINANT ECONOMIC DISCOURSE

Since the late 1980s and early 1990s, the process of institutionalization of supranational, global governance based on the development of the discourse of “global affairs” (universal challenges) began. International organizations gradually developed into an autonomous system of global governance, began to accumulate more and more managerial functions and transformed into supranational economic institutions. The key in the activity of all these institutions is the formation of expert knowledge, aimed at normalization (standardization) of socio-economic policy (and in essence management systems) of member states and control (monitoring) of this process, which allows the formation of a unified management system.

The cognitive activity of global economic governance is inherently constructivist in its intent, it is not interested in how things are (an adequate representation of reality) - the task is to construct a norm and offer it as a model for implementation. The activity of international development institutions and the indicators and recommendations they develop (“a global unified standardizing grid”) is by definition performative, aimed at transforming reality in accordance with the norm developed, because this is the basis of the “cognitive authority” of the institutions of “global governance” and the universality of the economic knowledge they produce.

Educational activity plays an important role in this process. its development in recent decades has also been determined

by the globalization, standardization and unification of the economics profession, with the leading role of American and partly British and European universities and professional business schools, which set educational standards, programs and practices (Maesse, 2015). Moreover, they function essentially as the elite licensing institutions of the economics profession for the rest of the world (Fourcade, 2006, p.152). For example, in international development institutions and economic organizations and banks, seats are held only by economists who have earned doctoral degrees in the United States and Britain (Evans and Finnemore, 2001). They also tend to get positions in prestigious universities and in governments and administrations of developing countries much more often and more easily (Valdes, 1995).

The logic of professional development in economics is increasingly defined in global terms. As M. Fourcade (2006, pp.158-159) shows, three key factors have contributed to the institutionalization of the economics profession on a global scale: the formation within economics of a specific rhetoric that insists on the universality of economic knowledge; the transformation of economic knowledge into a technology of political and bureaucratic power; and, finally, the construction of extensive transnational networks dominated by the United States (American corporations, foundations, NGOs, etc.).

Against this background, the further transformation of economic knowledge is increasingly determined by complex transnational mechanisms. The main such mechanism by which the globalization and expanded expansion of the economic profession takes place is the international circulation of capital, corporate, private and public. Transnational corporations, governments with extensive investment programs in other countries or under various agreements and partnerships, as well as international financial institutions, investing in the economy of one or another country, in fact, are engaged in normative construction - bringing in new norms and standards, using their vision of reality, values and concepts, style of thinking

(Finnemore, 1993), and simultaneously adapt to them “object of management”, producing its “reassembly” in the right direction. In this context, the understanding of what is essentially modern economic science changes considerably and requires rethinking and redefinition.

Keywords: global governance, modernisation, education, cognitive power, knowledge, state apparatus, discourse, international organisations

JEL: B15, B25, P16, P51

Elena Lenchuk
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
Lenalenchuk@yandex.ru

NEW CHALLENGES
OF RUSSIA'S S&T DEVELOPMENT
IN INTERNATIONAL SANCTIONS

This report is devoted to the analysis of modern global trends in scientific and technological development, which will determine the competitiveness and prosperity of a country in the future. The new agenda for technological development is determined by the structural restructuring of the world economy based on a large-scale transition to the emerging technologies of the fourth industrial revolution. There is an increase in competition in the R&D, using of new technologies, which will determine technological leadership, dominance in new markets and the possibility of obtaining super profits. There is a whole arsenal of tools and methods, ranging from the introduction of individual customs barriers to sanctions restrictions, violations of established international rules in the field of intellectual property, etc. to win this fight. Under such conditions, technological independence is becoming a general trend of global competition. Today such a competitive struggle is most clearly manifested between the two world technological leaders - the USA and China. The state is actively involved in the process of maintaining a leading position in the technological field, providing support for the development of key technologies of the fourth industrial revolution in various forms form - by developing various strategies, programs, road maps, etc., as well as allocating budget funds for their implementation.

These trends are creating new challenges for Russia. The answer to them can only be found by moving to a new development model focused on enhancing the competitive advantages of the country through the large-scale development of advanced technologies, the implementation of technological modernization and ensuring “technological sovereignty”. The urgency of such a transition is growing under international sanctions from the West, which restrict Russia’s access to high-tech goods and technologies. It is in high-tech industries that Russia has a high import dependence. In this regard, the report proposes new targets and tasks for the state S&T policy and the main tools for its implementation in order to turn science and technology into a strategic factor in the country’s economic development.

Keywords: structural modernization, competition, technological independence, fourth industrial revolution, emerging technologies, S&T policy

JEL: O14, O33, O57

Vladimir Maevsky

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
maev1941@bk.ru

Sergey Malkov

Lomonosov Moscow State University,
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
s@malkov.org

Alexander Rubinstein

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
simplicio1@yandex.ru

MACROECONOMIC CONDITIONS FOR RUSSIA TO REACH THE TRAJECTORY OF ADVANCED DEVELOPMENT

On the example of China, some macroeconomic parameters of the new (Asian) world economic order, which ensure GDP growth rate that is ahead of the US, acceleration of innovation activity and growing influence on the structure of global finances are considered. It is shown that in Russia for the next 2023-2025 no changes towards China's macroeconomic parameters are expected.

One reason: the inadequacy to the tasks of economic growth of some models of the Russian economy used by the monetary authorities. First, the calculations carried out by the Bank of Russia use the model of *a small open economy, exporting mainly raw materials*, which contributes to the conservation of the

export-raw material orientation of the economy. It is shown that modern Russia cannot be called a small open economy unable to influence the world market conditions, since it is involved in major international coalitions (SCO, Eurasian Economic Union, OPEC+) and actively influences world prices for oil, gas and other goods and services.

Secondly, the section of macroeconomic theory that allows estimating the volatility and duration of transition processes that arise during a rapid acceleration of the rate of GDP has not been developed. In this article, with the help of the SMR model, the problem of such a theory is partially solved. Calculations of non-stationary trajectories of GDP and inflation rates in the case of transition from the simple reproduction to the growth rate arising from the emission of 10% per year have been made as well as ways to minimize the length of the transition process and mitigate social tensions. The significance of this result is not only that it largely removes the problem of uncertainty in the transition process, but also makes it possible to control it. And this is one of the arguments in favor of the transition to accelerated economic growth in Russia, to convergence with the macroeconomic parameters of the new world economic order.

Keywords: world economic order, investments in fixed assets, SMR model, “primary” money, transition processes, strategic planning

JEL: B52, C02, C54, E19, E21, E22, E23

Sergey Malkov
Lomonosov Moscow State University;
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
s@malkov.org

OVERCOMING THE LIMITS: SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DYNAMICS¹⁷

In 2022, the Lomonosov Moscow State University, under the leadership of academicians V.A. Sadovnichy and A.A. Akaev, prepared a report to the Club of Rome with an analysis of the current historical situation and a forecast of its further development in the XXI century. A feature of the report is the widespread use of mathematical models, including for the analysis of patterns of social and political transformations over long historical periods.

Using mathematical modeling, it is shown that the modern historical period is a period of transition from the “era of growth” that followed the industrial revolution of the early XIX century to the “era of deceleration”, one of the clearest indicators of which is the rapid decrease in the growth rate of the world’s population and its aging. The analysis of the ongoing changes in various spheres of life is carried out. It is shown that the world has entered a period of drastic changes, the final result of which is not yet clear. The variants of socio-political development are highlighted: the so-called *new feudalism*, as well as the “*World-organism*”. If the first option essentially involves the reincarnation of a totalitarian-type system in the cybernetic era, then the second option is a society where there is no discrimination in the

17. This research has been supported by the Russian Science Foundation (Project No 23-11-00160).

presence of deep professional specialization of the population, management is carried out on the basis of network technologies (network technologies are used to “synchronize” collective activities and implement direct democracy). The second variant of the “*World-organism*” development is considered as favorable, because it assumes cooperation as a fundamental principle in development, instead of competition. At the same time, ideology of a universal, universal nature plays a great role in the effective transition to the second variant of development, which allows overcoming the opposition of representatives of different nationalities, confessions and civilizations to each other. It is shown that the transition to the second path of development will require significant efforts.

Keywords: mathematical modeling and forecasting, socio-political development, variants of global transformations

JEL: B15, B25, P16, P51

Atom Margaryan
Armenian State University of Economics,
Yerevan, Armenia
atom.margaryan@gmail.com

INTERACTION OF TECHNOLOGICAL
AND INSTITUTIONAL FACTORS
OF MODERNIZATION UNDER CONDITIONS
OF TURBULENT TRANSFORMATION
OF THE ECONOMIC SYSTEM.
INSTITUTIONAL APPROACH

The newly independent countries that emerged after the collapse of the USSR, despite numerous obstacles, tried to solve the most difficult problems of institutional transformation and technological modernization. However, it can be argued that the reforms of the liberal transition from a centralized system to a market economy in almost all former socialist countries failed radically, and their results are primarily described by the categories proposed by Douglas North, Viktor Polterovich and a number of other theorists. This refers to the emergence of institutional traps. In particular, manifestations of such an institutional trap are corruption and the shadow economy.

The economies of the post-Soviet countries are by their nature unstable systems, characterized by a break in the traditional links between the macro-, micro- and meso levels, which are characterized rather than by evolutionary, but by leaps and bounds, with non-linear trajectories. From the point of view of evolutionary-synergetic methodology, a certain deformed structure is created in the transitional economic system based on the cooperative interaction of its constituent elements, taking into account the influence of the previous development trajectory (paradigm). On the other hand, our study shows that

the institutional changes carried out during the implementation of a particular reform project do not always lead to the formation of effective institutions and the modernization of technologies.

According to the above point of view, the main reason for the paradox of the so-called “market inefficiency” (D. North) is the asymmetric influence of interested lobby groups and voters, as a result of which institutions that provide diminishing marginal returns are chosen as relevant alternatives. Such processes allow lobby groups pursuing special interests to receive and appropriate institutional rent for a long time and at the same time, on its basis, seek to maintain inefficient institutional structures.

A more detailed study of the “paradox of inefficient markets” allows us to draw several important conclusions.

a) on the one hand, under certain historical circumstances, transactions made under conditions of inefficient institutional constraints can satisfy Pareto-optimal criteria, and on the other hand, lead to the “closure” of markets, i.e., restriction of competition and the emergence of monopolies,

b) inefficient, non-competitive transactions (markets) in many cases can be preserved and reproduced due to the imperfection and undemocratic nature of political institutions or non-economic coercion.

Keywords: modernization, institutions, reforms, evolutionary theory, synergetics, institutional trap, inefficiency paradox

JEL: 017, 033, P30, P31

Gleb Maslov
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
glemiach@yandex.ru

TECHNO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS
AND AGGRAVATION OF GLOBAL COMPETITION:
THEORETICAL EXPERIENCE
OF THE MID- XX CENTURY¹⁸

The modern world is at the stage of rapid transformations affecting almost all spheres of social life. The geopolitical landscape is changing, structural changes are taking place in the global economy. One of the main driving forces of these changes is a new type of technology that is associated with NBICS convergence. By its nature, it is in many ways similar to the main content of the scientific and technological revolution (automation, chemicalization), which began to spread in the middle of the last century (many experts say that now society is experiencing a new stage of this scientific and technological revolution, and not a fundamentally different nature of changes in science and technology). Thus, in our time, there is a kind of culmination of scientific and technological progress that can radically change the global economy.

Due to the large production potential of a new type of technology in the world, the struggle for their development, for dominance in new high-tech markets, is becoming fierce. The aggravation of inter-country competition (primarily between

18. The study was carried out within the framework of the state assignment for the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on the topic «Historical and Economic Foundations of Discourses of Social Development in the Russian Federation and Their Influence on Economic Policy (Second Half of the 20th century)».

the United States and China) has most clearly manifested itself in recent years, but a new vector of international policy of the leading countries was formed already in the early 2010s. Thus, the number of protectionist measures has significantly increased, the term “deglobalization” has spread.

In the conditions of current transformations, new challenges for economic theory are emerging, prerequisites for the development of areas that are not currently at the forefront of science are being formed. In particular, this applies to the theories of techno-economic development. As noted above, the nature of new technologies in our time is in many ways similar to the “filling” of scientific and technological revolution in the middle-end of the last century. This actualizes both Western trends that addressed the socio-economic consequences of technological development (Schumpeterian concepts, knowledge economy, theory of post-industrial society, etc.) and domestic ones. The latter, developing in Soviet times, bore a certain ideological imprint, expressed in underestimating the “adaptability” of capitalism to new scientific and technical realities. However, at the same time, important patterns were revealed. In particular, capitalism has evolved towards greater state influence in areas where Soviet economists noted market vulnerabilities. A number of positions and research “plots” have at first glance an unexpected similarity with developments within the framework of modern theories, in particular, the theory of the fourth industrial Revolution. This concerns the problems of integration of production, science and education, anthropogenic impact on nature, the enlargement of production complexes with the spread of network effects, the expansion of criteria for quality of life, the development of creative work, the risks of growth of various forms of inequality, etc. It is also important to note the potential of the method of comparative analysis in the works of Soviet economists. If earlier the confrontation between the socialist and capitalist systems was considered, now it can be used in the context of the intensified competition between the leading powers.

The systematization of the positions formed within the framework of various scientific schools, the identification of current approaches will serve the task of forming a theoretical response to the challenges of modernity. The era of transformations requires a careful study of historical experience.

Keywords: scientific and technological revolution, NBICS convergence, the Fourth industrial revolution, theories of techno-economic development, deglobalization, protectionism

JEL: B24, B25, F50, O33

Natalia Molchanova

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

2520641a@gmail.com

ECONOMIC PREREQUISITE OF REGIONAL INTEGRATION AND ITS ROLE IN FORMATION OF A NEW WORLD ORDER

For the development of regional integration processes, it is necessary to comprehend the prerequisites that ensure them: political, economic, organizational. The state of international relations and the involvement of countries in integration associations (unions) of states has an impact on the turnover of world economic structures. The formation of integration unions (SCO, ASEAN, EAEU, BRICS, etc.) is based on certain principles of interaction between the member states, and each of them has its own special priorities for functioning and development.

BRICS brings together five countries from different regions of the world, the EAEU and the SCO - 5 and 9 countries of the Eurasian continent, respectively. About twenty new members are preparing to join the SCO and BRICS integration associations. These states play an important role in different regions of the world: Turkey, Mexico, Indonesia, Argentina, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Egypt and a number of other African countries.

Developing countries are characterized by peculiarities of national structures, management systems, structures of production and mutual trade, differences in religions, cultures and mentality of the population. Due to these and other objective conditions, for states remote from large international markets, joining regional integration unions is the best option for effective economic development.

An economic prerequisite is extremely important for strengthening interstate cooperation. It is characterized by “economic connectivity”, understood as the interaction of the economies of integrating countries in trade, economic and institutional aspects. This indicator reflects the self-sustaining growth of intra-regional trade and its recommended level, according to expert estimates, should be at least 25%. For example, in the EAEU this figure ranges from 10 to 14%.

One of the key tasks of the international community is to counteract the increase in global instability. To solve it, it is necessary to systematically apply existing and create new organizational and economic forms of coordinated work of coalitions of friendly countries interested in cooperation. An effective anti-crisis policy and a set of financial and economic instruments to mitigate the consequences of crisis situations are in great demand at the present time and are among the top priorities of the governing bodies of state power in individual countries and integration unions.

At the BRICS+ summit in June 2022, President of the Russian Federation V.V. Putin presented a new model of the world order, arranged according to the principle of the global social network, in which all participants will be equal and mutually beneficial. “The new world will be founded on the principles of equality, justice and respect for each other, and trade and finance will be free from barriers and politically motivated restrictions”. To achieve these goals, substantive work is underway to create new supply chains and a “new investment zone” that is accessible to investors from around the world, but at the same time is sufficiently independent of Western investment.

Keywords: regional integration, union of states, economics and finance, specialization and cooperation, logistics and investment

JEL: F02, F42, F63

Tatyana Novikova

Institute of Economics and Industrial Engineering,
Siberian Branch of Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russia
tsnovikova@mail.ru

TRANSFORMATION OF MODELING METHODS
OF MICROECONOMIC CONSEQUENCES
OF GOVERNMENT POLICY IN CONDITIONS
OF CHANGING TECHNO-ECONOMIC PARADIGMS¹⁹

Scientific and technological development at the microeconomic level of individual agents and their relationship within the framework of investment projects requires a significant modification of methods for assessing the microeconomic consequences of government policy with each change in techno-economic paradigms.

At the beginning of the 20th century, methods for making investment decisions were formed in conditions corresponding to the unfolding industrial revolution (or the third long K-wave): in the USSR, methods for assessing the effectiveness of capital investments and in foreign countries, methods for analyzing costs and benefits (Cost Benefit Analysis, CBA).

In the middle of the 20th century, under the conditions of the cybernetic (digital) revolution at the initial scientific and informational phase (or the 4th K-wave), the aggravation of crises led to the collapse of the colonial system and the formation of a number of independent states, the importance of the international aspect of project analysis increased dramatically. This required the development of project analysis techniques focused on the problems of economic growth in developing countries, and later countries with economies in transition, and taking into account

19. The research was supported by RSF (project No. 23-28-01499).

the active role of the government policy in promoting investment development. As a result, within the framework of international organizations, project evaluation methods based on simultaneous economic and financial analysis were created.

In the 90s of the twentieth century, the next major stage of scientific and technological revolution began, associated with the formation of the knowledge economy and the transition to the modernization phase of the cybernetic revolution, and later, at the beginning of the twenty-first century, the deployment of the fourth industrial revolution and the corresponding decision-making in the context of the spread of the Internet of things, Big data and Artificial intelligence. This required a significant modification of foreign methods and the creation of domestic methods for assessing the social and commercial efficiency of projects. The new CBA methods ensure the validity of the assessment of social and research infrastructure projects from the point of view of not only private participants, but also the formation of an appropriate public investment policy, taking into account not only financial efficiency, but also the differences between economic and financial efficiency, respectively, the public effects of their implementation.

Similar processes are typical for the transformation of spatial agent-based modeling methods based on optimization principles to substantiate territorial government policy with a formal presentation of the goals of social justice along with the goals of economic efficiency, generalization of agent decisions based on territorial public welfare functions and multi-regional input-output balance. New methods of government policy justification, on the one hand, are focused on the micro-level of optimal decision-making by individual agents, on the other hand, they form mechanisms for coordinating the interaction of agents to move towards optimal decisions within society as a whole and individual territories.

Keywords: cost-benefit analysis, public efficiency, agent-based modeling, government policy

JEL: B25, C63, H11, P16

Petr Orekhovsky

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
orekhovskypa@mail.ru

ABOUT «REVOLUTIONS»
AND «INSTITUTIONAL EVOLUTIONS»:
DISCOURSES OF DESIGNERS²⁰

In the 1960s the concept of revolution was widespread. Revolutions took place in technology and science, in the fields of culture, industry, transport and construction. At the same time, the change of power in the states of Africa, Asia, and Latin America was also called revolutions. The use of this concept marked a positive assessment of the current events by the authors of the texts; a negative assessment was associated with counter-revolution.

In the 1990s the concept of revolutions in Russia is used less and less. A symbol work, apparently, is the book by E.T. Gaidar «The State and Evolution», which explicitly refers to the well-known work of V.I. Lenin. It is curious that even the events of 1991-1993 in Russia are characterized by Gaidar as a «change of institutions», and quite natural, «evolutionary». Although it would seem that these events fit perfectly into the old ideas about the revolution — the demolition of the old state, the seizure of control over law enforcement agencies, the change of «ownership of the means of production», the financial crisis, etc.

20. The study was carried out within the framework of the state assignment for the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on the topic «Historical and Economic Foundations of Discourses of Social Development in the Russian Federation and Their Influence on Economic Policy (Second Half of the 20th century)».

It cannot be said that the concept of revolutions has disappeared. It is quite often used to characterize the events taking place in neighboring countries: «color» revolutions: «orange», «carnation revolution», «tulip revolution». However, in general, this concept has moved into the realm of political science. Economists prefer to deal with the «evolution of institutions» and, a little less often, «institutional design».

The most frequently cited work, in my opinion, in Russia is the book by V.M. Polterovich «Elements of the Theory of Reforms», in terms of its significance and popularity, it is far ahead of the well-known works of D.North. The most important theoretical innovations belonging to Polterovich, in addition to «institutional traps», are, firstly, the approach itself, in which actors measure the benefits that they will receive within the framework of new institutions with the costs of transition to these institutions; secondly, the concept of «intermediate institutions». Actually, this is where the art of «institutional design» appears – it is the search for such a trajectory of institutional evolution, in which the costs of transition become minimal.

Unlike revolutionaries, who are more or less irrational actors whose actions should be described not so much in terms of risk as uncertainty, rational economic actors look much more attractive. Thus, the development of reforms is a very respectable activity, encouraged by the scientific community, while the preparation of revolutions is outside the scientific discourse.

Designing is one of the types of entrepreneurship, described at the time by W. Sombart. The specificity of this type of new «economic combinations» lies, on the one hand, in the fact that the money for the implementation of the project is allocated not by banks, but by state officials; on the other hand, the criterion of success here is not «economic profit» (exceeding the percentage), but other criteria (among the necessary ones is an increase in income and the status of project participants). Designing was already very common in the USSR, but under conditions strict ideological control and specific filters that determined access to decision-makers, the number of economists – designers hardly

exceeded a couple or three dozen. By the end of the 1980s economic designing becomes respectable. And in the 1990s, and later projects of various reforms become almost an obligatory element of economic discourses. The latter requires a special study, generalizing the work, which would present a detailed classification of Russian projectors offering certain types of institutional design, is unknown to me. An attempt at a rough classification allows us to distinguish the following genres:

1) «counsels to the God». Technological utopians work in this genre. They demand a transition to a new technological order, the fourth industrial revolution, green energy. The allocation of public funds for certain technologies should solve the problem of economic growth, and the latter solves all other problems. In addition, supporters of administrative innovations, who propose the creation of new state bodies to solve all problems, belong to the same class (as an example, the Agency for Strategic Initiatives);

2) political and economic lobbying. This discourse is well described by public choice theory. Although officially there is no «lobbyism» in Russia;

3) popularizers of «best practices» and «world experience». This is a special genre, which includes various projects to combat corruption, protect property rights, freedom of speech, and improve the judicial system. The most radical of them often find themselves in the position of «foreign agents» in Russia.

A cursory glance at this classification shows the difficulties of developing the «institutional – evolutionary theory» in Russia. Despite the «cancellation of revolutions» and the creation of V.M. Polterovich of a kind of «alphabet for reformers», the spectrum of domestic institutional designers is mainly located between the engineer of the new «institutional traps» (lobbying) and «circles of dreamers and revolutionaries».

Keywords: revolution, evolution, discourses, institutional design, projecting, reforms

JEL: B15, B25, Z18

Yulia Plushchevskaya
Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
yplu@mail.ru

NATURAL-SCIENCE APPROACHES TO MODELLING CYCLES IN CAPITALIST ECONOMY

Evolutionary economics suggests that economic and natural systems obey universal laws. Thus, methods from natural science are highly relevant to economic research. In particular, a capitalist economy evolution could be regarded as system of cycles of different durations. It was shown that a prey-predator model could be a proper instrument to describe fluctuations around a long-term trend in a business-cycle (Plushchevskaya, 2022. In Russian). The present report addresses to the S.P. Kapitza version of the logistic curve as a tool to model «secular» cycles of capital accumulation. Though, under global imperialism, volume indicators including capital appear to be captured by statistics not accurately enough. Data on rates of return seem to be more reliable. Thus, the focus is on a nominal interest rate which is a generalized indicator of a capital growth. Its long-term bell-shaped path is obtained by differencing the original logistic function. Interest rates would be endogenous in a leading world economy, so the model was brought to the US data in the last century. A further research agenda is presented.

Keywords: business cycles, cycles of capital accumulation, logistic curve, economic cycles models, interest rate

JEL: E32, E37, E40, E47

Viktor Polterovich

Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences;
Moscow School of Economics,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
polterov@mail.ru

THE DECLINE OF THE COMPETITIVE SOCIETY, AND RUSSIA'S SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

The civic culture of Western societies is changing rapidly and radically. Postmodernist philosophy (Pluckrose and Lindsay, 2020) is playing an increasingly important role, and social mechanisms are being transformed according to its recommendations. Under pressure from postmodernists in the U.S. and a number of other Western countries, courses on “diversity” are included in school and university curricula, and hiring of teachers, professors and government officials favors “minorities” - women, blacks, homosexuals, transgender people - even when they are less qualified than other candidates. A similar trend is beginning to emerge in large companies. In the long run, this inevitably leads to degradation.

The fact that Western civilization is in deep crisis has been recognized by many scholars. In April 2023, The Wall Street Journal published a note by its editor-in-chief, Gerard Baker, stating: “We are in the grip of an ideology that disowns our genius, denounces our success, disdains merit.” The title of the note is noteworthy: “If Western civilization dies, put it down as a suicide.”

This study notes that a possible explanation for the crisis of Western civilization lies in the exhaustion of the potential

of competitive mechanisms. Over the past three centuries, economic and political competition has driven unprecedented rates of economic and social development. However, as levels of welfare, civic culture and technology have increased, the organic vices of competition have become more and more apparent: high material costs due to bankruptcy and duplication of efforts; dislike for members of rival groups, which results in an unhealthy social climate; an insurmountable trend toward increasing inequality, which generates protest movements. The “problem of dirty hands,” which cannot be solved in conditions of political competition, contributes to the formation of a mechanism of negative selection of political leaders, and the inefficiency of public administration causes distrust toward political leaders and institutions (Polterovich, 2021). Under these conditions, countries that have collaborative advantages - more developed mechanisms of collaboration in the economic and political spheres - are more successful (Polterovich, 2022).

For the “catching-up” countries, the crisis of the advanced West poses the question of development strategy in a new way. So far, the economic miracle countries in the final stage of super-rapid growth have sought to build the institutions of a competitive economy and a competitive democracy. Today, this strategy is in question.

For Russia, which is embroiled in a war of sanctions, the question of choosing a development strategy is particularly relevant. Usually two options are considered: a mobilization strategy, which provides for the tightening of power, using measures not based on rules to combat threats, and a liberalization strategy. This study attempts to show that a strategy of positive (not directed against third parties) collaboration is the most preferable, providing for, as a first step, the formation of catching-up development institutions: a corporatist management system, indicative planning, a general development agency (Polterovich, 2016). They can also include different types of consortiums, public-private partnerships, and project financing. Particular attention should be paid to reducing inequality. As development

succeeds, the role of the state should decrease and the role of market interactions should temporarily increase. At the same time, efforts should be aimed at placing Russia in the class of coordinated market economies with a high level of corporate social responsibility (which allows us to talk about stakeholder capitalism), and by the nature of the political system could be classified as consensus democracies (Hall and Gingerich, 2009; Strand and Freeman, 2015; Amor-Esteban et al., 2019; Lijphart, 2012). As a result of increasing welfare, technology, and civic culture, such a strategy will provide Russia with a collaborative advantage, and thus with joining the group of the most successful countries.

Following the strategy of positive collaboration would contribute to the formation of modern ideology of collaboration, which, as the study shows, is deeply rooted in the Russian philosophical and political culture.

Keywords: positive collaboration, competition, postmodernism, pro-civic individualism, catching-up development, collaborative advantage

JEL: B52, D02, D64, O20, P21

Vladimir Popov
Central Economics and Mathematics Institute,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
vpopov@nes.ru

WHY EUROPE LOOKS SO MUCH LIKE CHINA: BIG GOVERNMENT AND LOW INEQUALITIES

One view in the literature (Popov, 2020) is that the East Asian model is superior to other models in the Global South, at least in terms of catch-up development and possibly even in innovations beyond the technological frontier. Unlike economic models in Latin America and Sub-Sahara Africa, the East Asian model prioritizes community interests (e.g., that of work collective, neighborhood, nation state, and all of humanity) over those of individuals with the possibility of limiting some human rights for the greater benefit of all.

Crucial features of the East Asian economic model include relatively low income and wealth inequalities, strong state institutional capacity (as measured by the murder rate and share of the shadow economy). The origins of the East Asian economic model can be traced to different trajectories of the development of the Global South since the 16th century. Some countries were trying to replicate the success of the Western model (voluntarily or forced by colonialism), whereas the others managed to preserve traditional collectivist institutions (Popov, 2009; 2014).

It is argued that the European economic model and the East Asian model have a lot in common. After controlling for the size of the country (PPP GDP) and the level of development (per capita income), it turns out that government consumption as a share of GDP is relatively high in both models, whereas income inequalities are relatively low (Popov, 2021; 2022).

Keywords: varieties of capitalism, economic models, inequalities, size of the government, state institutional capacity, growth rates, catch up development

JEL: H1, D63, O47, P10, P51

Vladimir Portyakov
Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
p481nov@mail.ru

WILL INDIA BECOME ONE OF THE POLES OF THE THREE-POLE WORLD?

Recently, there has been an active discussion in Russia and abroad about the most likely changes in the global world order. There are considerations in favor of weakening the dominance of the United States and its allies and the high probability of strengthening the trend towards multipolarity. However, the ideas about the specific content of the coming multipolarity are very diverse. Recently, it was suggested that the coming world is likely to be de facto three-pole, and India may well claim the role of the third pole - after the United States and China.

According to the well-known Singaporean diplomat and political scientist Kishore Mahbubani, published on January 14, 2023 in the newspaper “India Today”, India is now in the best geopolitical position in all 75 years of its independent existence and may well position itself as the only truly independent global force. This is the kind of force the international community needs today, and this is the choice India should prefer rather than becoming an ally of the United States, although outwardly it looks like an easier choice. More and more countries support India’s right to become another permanent member of the UN Security Council. The growing importance of the country in the system of international relations is emphasized by India’s holding of the Voice of the Global South online summit in January this year, its chairmanship in the G20 in 2023. In recent years, India has been one of the world leaders in terms of economic growth and ranks 5th in GDP. The country has significantly increased

its foreign trade in goods, where previously its positions were weak. In 2021, India's exports amounted to USD 395 billion (1.8% of world exports), and imports – USD 573 billion (2.5% of world imports). The United States plans to make India a “workshop of the world” instead of China, for which they have reached an agreement on cooperation between the two countries in the production of high-tech products. India's “soft power” is fueled by the country's significant civilizational merits and the presence of an impressive Indian diaspora abroad.

Of course, India's progress to the top echelon of the world table of ranks will not be smooth. Today, the ideas of India and Indians about the potential and capabilities of the country clearly exceed the realities. Perhaps the main obstacle is the low level of development of all types of social infrastructure, especially noticeable against the background of the country's giant population.

As for the likely entry into a three-pole world order with the United States, China and India as poles, this triangle is unlikely to be equilateral. Today, India looks much closer to the United States than to China. This trend will increase if Russia becomes India's main rival in the fight for the 3^d place in the future multipolar world. And this, it seems, will be exactly the case.

Keywords: India, multipolar world, claims to the role of the “third pole”

JEL: F50, N15, P52, O53

Tatiana Provolovich
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
tatiana.provolovich@gmail.com

THE FOUNDATIONS OF THE SYNTHETIC PROGRAM IN BEHAVIORAL ECONOMICS

Discussions and debates about the “nature” of the economic agent have gained particular relevance in economic science over the last 30 years. These disputes are caused by the emergence of interdisciplinary studies, which, relying on data from related disciplines (primarily natural science disciplines), offer “new” irrational approaches to explaining the behavior of economic agents. Therefore, a polarization and sometimes an explicit confrontation of supporters and critics of the classical principle of rationality is revealed in economic science. Economic science has long relied on the principle of economic agent rationality, which is based on three important propositions:

- 1) Agents are aware of their preferences and always seek the greatest satisfaction;
- 2) In making choices, agents avoid errors (costs);
- 3) And in uncertain situations agents can calculate all risks and choose new, more optimal ways of maximizing utility.

As a result, classical formalized models of economic behavior use an idealized and universal individual, offering a monodisciplinary explanation of the ways of his behavior. Such an economic agent (individual), despite the fact that it is always in a state of complete rationality, does not have any subjective (mental, psychic) qualities and is in socio-cultural isolation.

The arguments offered by behavioral and new behavioral economics in defense of the agent’s limited rationality and even irrationality increase more and more the number of factors influencing and determining the behavior of the economic

agent. One advantage of the new approaches is their vision of the genuine (real) rather than formalized ontological essence of the individual. The economic agent becomes a subject of activity, acquiring psychophysiological qualities. But as the synthesis of psychology and economics in behavioral economics expands, the question of the selection and classification of factors influencing the choice of the economic agent arises. Uncovering a multitude of irrational (unconscious) stimuli, has not offered a working mechanism for a new (alternative to formalized) way of modeling behavior to predict socio-economic policy.

Such a new way could be a synthesis of ideas about the agent from behavioral economics (which itself is an interdisciplinary synthesis) and mental-institutional studies, as well as involvement of data on the way of fixing ways of socio-economic interaction not only on mental, but also on neurophysiological level. To carry out this synthesis, it is necessary to analyze the foundations (theoretical and ontological) to highlight the levels of research (macro-, meso-, micro-), to describe the possible types of connection between the levels of analysis and assess the potential for applicability of methodological practices from natural sciences when studying the specifics of conducting an economic agent.

Keywords: economic agent, interdisciplinary synthesis, principle of rationality, irrationality, philosophy of economics

JEL: A12, B4, B52

Rozalia Sharafullina
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russia
rozalia-23.05@yandex.ru

INSTITUTIONAL AND CULTURAL
CHARACTERISTICS IN ECONOMIC DEVELOPMENT:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Today it becomes obvious that culture reflects contemporary problems associated with the uneven development of the world, political, social, economic and even environmental problems. The identification of culture as a source of preference turns the abstract behavioral premises of the neoclassical model of choice into concrete solutions, where cultural differences are used to explain consumption patterns in different countries. Modern empirical research on the relationship between culture and economy, based on big data sets from different countries, has been done by such scientists as Barro and McCleary (2003), Granato, Inglehart and Leblang (1996), Hampden-Turner and Trompenaars (1993), Begelsdijk, Maceland, McCleary and Barro (2006) and Shane (1993). The works of these researchers note that economics can explain certain differences between countries by establishing differences in preferences among societies with different cultures.

There is an alternative way to analyze culture as a source of constraint in rational choice economics. In the economic theories of the new institutional economy, the restrictive function is one of the basic functions of institutions to reduce uncertainty and costs in the choice and establish predictability of behavior. Traditional cultural norms and informal rules have been suggested in some works of the new institutional economics as constraints to development. According to North,

due to the presence of high transaction costs of existing inefficient institutions-rules, imperfect markets and inflexible forms of management continue to function. These low-quality institutions can become firmly entrenched in the cultural space and thinking of the society. That is why it is impossible to freely change the institution following the example of more successful and developed countries. Firstly, because of the close connection of institutional evolution with history and dependence on the previous path of development. Secondly, due to informal constraints (values, norms, culture, beliefs, thinking) that root and stabilize the social and economic behavior of agents. The opinion that copying the institutions of developed and successful countries (constitutional articles, state structure, legislation, etc.) and carrying out “from above” one-time reforms on the recommendations of the compilers of reform programs will lead to a rapid and rapid development of the economy and general welfare did not lead to the expected effects. Because the customs and beliefs of the population, formed in the process of long evolution, were not taken into account. Changing informal institutions is associated with high costs if society is not ready for them. In this case, culture is the limiting factor of institutional evolution.

Cultural change occurs through the introduction of new ideas, new opportunities due to globalization. The world is undergoing a continuous process of transformation of cultures, and cultural differences predetermine the effectiveness of the same institutions in some countries, while demonstrating their inefficiency in others.

Keywords: culture, institutions, informal rules, institutional evolution, economic development

JEL: A 12, A13, B15, B25, B41, O11

Nataliya Smorodinskaya

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
smorodinskaya@gmail.com

Daniel Katukov

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

THE SANCTIONS CRISIS AS UNDER-STUDIED
PHENOMENON: MACROECONOMIC PATTERNS
AND TYPICAL EFFECTS²¹

The idea of economic sanctions goes back to the neoclassical concept of rational agent, later supplemented by behavioral economics (Korgun, 2022). It is assumed that inflicting economic losses on a target country by interrupting trade and financial relations with it can positively change its political behavior by encouraging its leadership to backtrack decisions that violate international law (Hufbauer et al., 2009).

There is no accepted theory of sanctions and no consensus on their effectiveness (Hufbauer, 2021). Nor is there a reliable methodology for revealing robust linkages between the political goals of sanctions and a package of economic restrictions, these restrictions and their macroeconomic effects, these effects and their extraterritorial impacts (Felbermayr et al., 2021). Economists need an interdisciplinary theory of sanctions that reconciles their proponents and skeptics.

21. The research was carried out within the framework of the state assignment for the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on the topic “Formation of the scientific, technological and institutional framework for acceleration of economic growth in the Russian Federation”

Our paper articulates patterns of the sanctions crisis by summarizing the experience of two major oil exporters — Iran, which has been under heavy collective sanctions since 2011, and Russia, which in 2022 has become a subject of a similar but three times larger sanctions package. We show that sanctions are a deadweight for the economy, while sanctions crisis is a volatile process not corresponding to a market cycle of overcoming a traditional crisis. The main problem here is not sudden shocks but rather their escalation into a prolonged macroeconomic stress, when a drop in real GDP is accompanied by a contraction of potential GDP, which translates into a foregone growth over decades (Smorodinskaya and Katukov, 2022). Stress makes transient a country's success in mitigating the initial downturn and maintaining macro-financial stability, thus depriving the economy of previous development factors without creating new ones. While economies typically evolve through increasing their complexity (Hidalgo, 2021), they self-adapt to artificial external constraints through pervasive structural simplifications.

Stylized facts (Neuenkirch and Neumeier, 2015) and World Bank statistics confirm our general conclusion: any sanctioned economy, regardless of its original size and the degree of its extraterritorial impact on the global economy, is subject to lagging behind the global average in terms of technology and well-being.

Keywords: theory of economic sanctions, sanctions crisis, macroeconomic stress, structural simplification, Russian economy

JEL: F1, F13, F5, F51

Liliya Vorontsova, Aydar Mullayanov

Kazan Innovative University

named after V.G. Timiryasov

Kazan, Russia

mullayanovas@ieml.ru

ON THE WAY TO A MULTI-POLAR WORLD:
RUSSIA AND ITS FRIENDLY STATES
IN LATIN AMERICA²²

“After the dissolution of bipolarity on the planet, we no longer have stability. Key international institutions are not getting any stronger; on the contrary, in many cases, they are sadly degrading”, – noted the President of Russia Vladimir Putin in his speech to the members of the Federal Assembly, March, 18, on the occasion of the Crimean reunification with Russia.

The architecture of international relations today is living in a period of global geopolitical rearrangement: the systemic military and political balance of powers is being changed: trade and economic alliances and unions with new actors are being devised: world trade flows are being diverted towards new economic power centers.

In our opinion, a number of Latin American friendly states for Russia as Argentina, Brazil, Venezuela, Cuba, Mexico can be seen as components in general picture of multi-polarity in the making. As a criterion of friendliness for the abovementioned group of the countries one might set their neutral stance on anti-Russian resolutions in the UN General Assembly. That implies common approach of those states and Russia as to key issues on global political and economic agenda, which is not “falling apart” under the global dictate of the “collective West”.

22. The research was carried out within the framework of the assignment for Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

The approach to the analysis of the cluster of Russia's allies in the Latin American region, implemented in the report, reflects the idea of synergy of contacts at the political level and the development of foreign economic cooperation as the most important condition for expanding the strategic partnership of our country with a group of sovereign regional countries.

At the same time, the analysis carried out in the report revealed the specifics of the geopolitical and geo-economic cooperation of a particular state from the considered matrix of countries with Russia.

Thus, Russian-Argentine cooperation is characterized by a progressive growth in trade turnover. In the structure of export-import operations, the volume of imports of goods from Argentina to Russia is increasing. The indicators of exports of domestic goods to Argentina are also going up. However, so far, the trade balance of the Russian-Argentine commodity trade is in the red, as the analysis of an array of empirical data presented in the report suggests. Thus, the export figure to Argentina in 2021 amounted to \$ 383.4 million, and the volume of imports to Russia in 2021 reached \$ 1,000 million (Shkolyar, 2021). Russian exports to Argentina are dominated by fuels, mineral fertilizers, chemical industry products, metals; imports include cake, butter, cheese and cottage cheese, fish and seafood, fruits (apples and pears), cattle meat, wine. As for the ratio of Argentina's import and export indicators to its own GDP, it was found that the gross volume of the country's export quota is 18%, while the aggregate value of the import quota is about 15%. As we can see, for Argentina's economy the indicators for imports from Russia are still significantly lower than exports. This implies the possibility of expanding Russian exports to Argentina. It seems that the point of support for foreign economic relations between Moscow and Buenos Aires will be the intensification of political ties to work on Argentina's application to join the BRICS format.

As for the relations between Russia and Brazil, the thesis of their strong strategic nature was an axiom even before Lula da Silva, who is open to constructive and fair relations

with our country based on international law, took office on January 1, 2023. In the current conditions, the technological, innovative nature of Russian-Brazilian business cooperation is obvious. Our report presents specific examples of this area of interaction. Brazilian macroeconomics is characterized by virtually equilibrium indicators for exports and imports: Brazil's global exports account for 20.1% of the country's GDP, while the import quota of this state is 19.1%. Brazil's import policy still prevails in the structure of Russian-Brazilian trade relations. This point is confirmed by the calculation of export and import quotas presented in the report in relation to trade and economic relations between Russia and Brazil. This trend undoubtedly indicates that there are promising opportunities for export flows of Russian commodity trade to Brazil.

The focus of interstate relations between Russia and Venezuela is military-technical cooperation. It gives depth to the political relations between Moscow and Caracas. However, it is obvious that there are problems in the sphere of trade and economic relations: the trade turnover does not exceed the value of \$150 million. However, despite such a small volume of foreign economic relations between Russia and Venezuela, the latter has an enduring geopolitical value for our country, acting as a consistent ally of Russia on key global political issues.

The humanitarian factor complementing the effective political dimension is a significant link in the partnership between Russia and Cuba. The report shows its quantitative indicators. It was also revealed that Russia has a certain base of foreign economic relations in Cuba: for 2021, there was a \$116 million positive trade balance. As we see, there is a potential for the growth of trade and economic cooperation.

Mexico is in a situation similar to Cuba in terms of insufficient resource development of the potential for trade and economic ties. The analysis of Russian-Mexican trade relations dynamics has a positive trend. The study of statistical data revealed that Mexican exports to Russia are 10% less than the

volume of imports from Russia. It seems that the intensification of mutual political contacts based on mutual understanding of the multipolar world as an objective reality can become a driver for growth in foreign trade turnover.

Thus, focusing the analysis of the centers of the multipolar world on the example of Latin America allows us to explore the specifics of the multipolar world in the era of changing world economic patterns, to identify the main ways for the parallel development of political and foreign economic cooperation.

Keywords: world economy, macroeconomics, trade, cooperation, multipolarity

JEL: F01, F02, F15

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
Сайт: www.inecon.ru

Научное издание

**Экономика России и мира в эпоху смены
мирохозяйственных укладов:
теория, методология, практика**

XV международный Пуштинский симпозиум
по эволюционной экономике

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*
Компьютерная верстка *Борщёва И.В.*

Подписано в печать 15.05.2023. Заказ №8
Тираж 300 экз. Объем 8,5 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0726-6

9 785994 007266